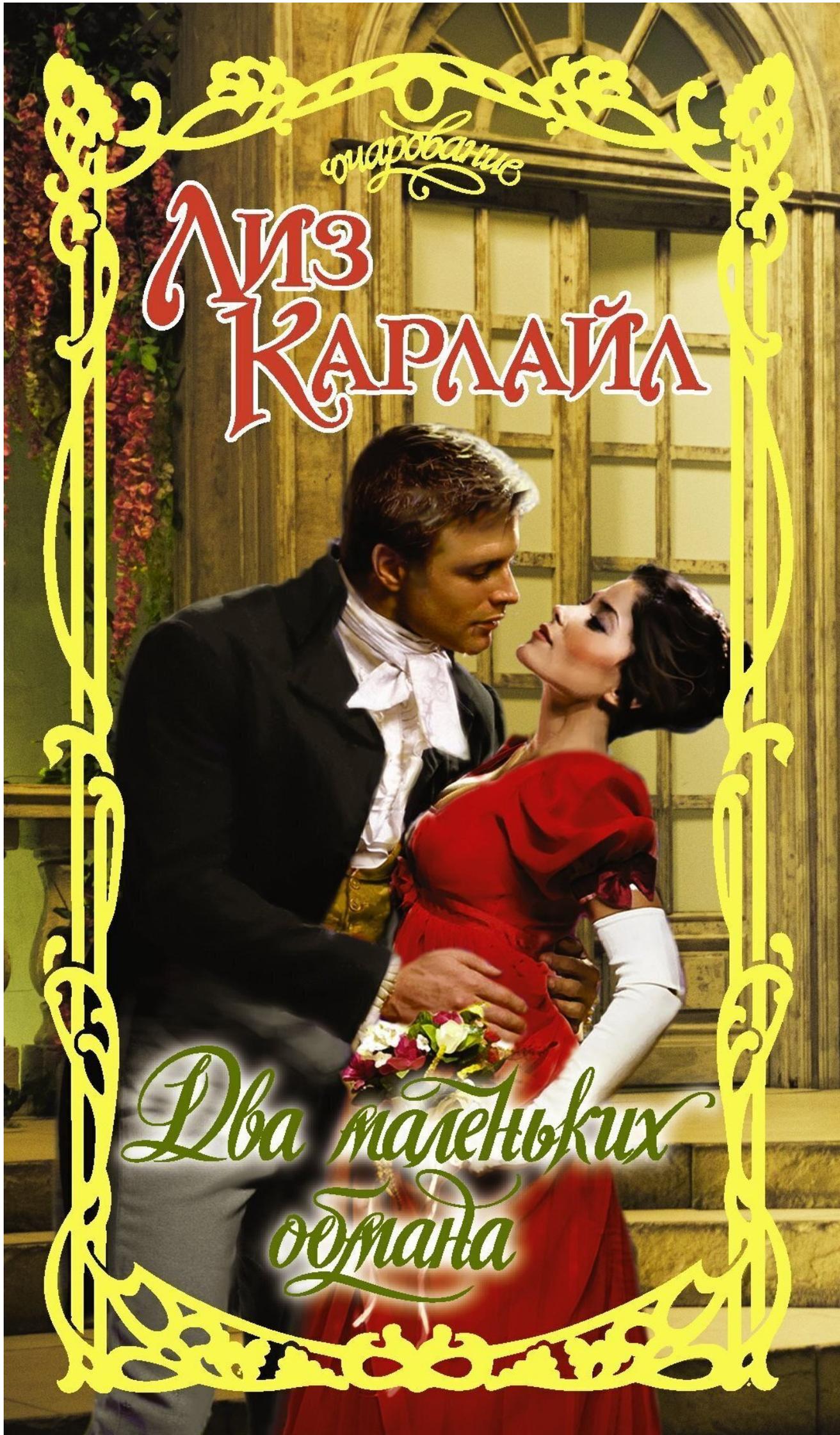

сериал

ЛИЗ КАРЛАЙЛ

*Два маленьких
одна*

Семья Маклахлан и друзья

Лиз Карлайл

Два маленьких обмана

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Карлайл Л.

Два маленьких обмана / Л. Карлайл — «Издательство АСТ»,
2006 — (Семья Маклахлан и друзья)

ISBN 978-5-17-135758-0

Английский аристократ и итальянская оперная дива?! Граф Уинвуд, будучи легкомысленным юношей, посмеялся над мечтами о замужестве своей любовницы, прекрасной Вивианы Атес-сандри. В тот же день она бросила его и уехала. Но граф и понятия не имел, что девушка носит под сердцем его ребенка... Девять лет спустя они вновь встречаются на роскошном обеде. Уинвуд помолвлен с другой, Вивиана — богатая вдова с громким титулом. И оба по-прежнему преисполнены горечи и винят друг друга в былом разрыве. Однако под пеплом обид и взаимных обвинений все еще тлеют угли не умершей до конца страсти — страсти, которая только и ждет, чтобы вновь разгореться в жгучее, неистовое пламя...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-135758-0

© Карлайл Л., 2006

© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Пролог, в котором сделано предложение вступить в брак	6
Глава 1, в которой лорд Чесли строит грандиозные планы	15
Глава 2, в которой лорд Уинвуд приобретает нового друга	23
Глава 3, в которой устами леди Элис говорит разум	28
Глава 4. Сэр Аласдэр спасает положение	35
Глава 5, в которой мистер Маклахлан дает добрый совет	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лиз Карлайл

Два маленьких обмана

Liz Carlyle
TWO LITTLE LIES

© S.T. Woodhouse, 2006

© Перевод. Е.П. Ананичева, наследник, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Пролог, в котором сделано предложение вступить в брак

Весна 1821 года

Синьорине Алессандри нездоровилось. В своей квартире на Ковент-Гарден она горячо и страстно молила по-итальянски о смерти.

– О, пожалуйста, мисс, говорите по-английски! – попросила горничная, подхватив распущенные тяжелые черные волосы госпожи. – Я не понимаю ни слова. Думаю, нам лучше позвать доктора.

– Глупости, – ответила синьорина, ухватившись за спинку кресла так, что побелели костяшки пальцев. – Во всем виновата рыба, которую подавали вчера у лорда Чесли.

Горничная поджала губы:

– Да, а что было вчера, мисс? Могу поспорить, что не рыба.

Вивиана прикрыла глаза, борясь с позывами тошноты.

– Помолчи, Люси. Не будем больше говорить об этом. Самое плохое уже позади.

– О, я в этом не уверена, – заметила служанка.

Вивиана ничего не ответила и подошла к тазику с водой.

– А где утренняя почта, per favore? – спросила она и начала умываться, неловко расплескивая воду.

Люси со вздохом направилась в гостиную и вернулась с подносом, на котором лежало одно письмо – судя по хорошо узнаваемому неразборчивому почерку, от отца Вивианы, и сложенная вдвое записка без адреса.

– Это принес лакей мистера Хьюитта, – небрежно бросила горничная.

Вивиана закончила умываться и приложила полотенце к мокрому лицу. Горничная смотрела на нее встревоженным взглядом. Все эти долгие месяцы девушка проявляла преданность и доброту.

– Спасибо, Люси, – пробормотала Вивиана. – Почему бы тебе не выпить чашечку чая? А я почитаю письмо.

Люси стояла в нерешительности.

– Но разве вы не желаете, чтобы вам принесли воду для купания, мисс? – спросила она. – Уже полдень. Скоро придет мистер Хьюитт, не так ли?

Куин. Конечно, Люси права. Вивиана отложила полотенце и взяла записку. Куин обычно приходил к ней вскоре после полудня. Да, так он собирался сделать и сегодня. О, как она ждала его прихода и в то же время боялась!

Вивиана кинула записку в огонь. Она заметила свирепые взгляды, которые Куин бросал в ее сторону в гостиной театра после вчерашнего представления. Театр был полон. Вивиана пела божественно, каждая высокая нота в ее последней арии звучала кристально чисто и проникновенно. Затем она закончила мизансцену, упав без сознания в объятия своего возлюбленного. Раздалась оглушительные аплодисменты.

Но Куин, казалось, замечал только то, что происходило после спектакля. Compliments и поздравления ее поклонников. Тосты и шампанское. Тонкие интимные намеки, которые так же тонко отвергались Вивианой. Но такой отказ не удовлетворял Куина. Нельзя было не заметить его вызывающую манеру и мрачную усмешку, когда он, сжимая в руке бокал с бренди, расхаживал по протертому зеленому ковру. Его дяде, лорду Чесли, даже хватило храбрости посмеяться над ним.

Куину это не понравилось. И особенно он был недоволен тем, что Вивиана, как это часто случалось и раньше, уходила, опираясь на руку Чесли. И сегодня Куин явно собирался устроить из-за этого скандал. Вивиана не была уверена, что у нее хватит духа противостоять ему. Но теперь это уже не имело большого значения.

– Мисс? – окликнула ее горничная. – Вода для ванны?

Тошнота снова подступила к горлу.

– Минут через десять, Люси. Пока мой желудок не успокоится, я почитаю папино письмо. Если не успею, то приму мистера Хьюитта здесь.

Люси снова поджала губы:

– На вашем месте, мисс, я бы сразу сказала ему об этой испорченной рыбе.

Вивиана рассмеялась.

Но мимолетное веселье покинуло ее, когда она развернула письмо от отца. Даже запах его бумаги глубоко волновал ее. Она знала этот ящик в его столе, откуда была взята бумага: в ящике отец хранил свой табак. А его почерк! Широкие размашистые строчки всегда напоминали Вивиане о его неутомимой силе, аккуратные петельки и росчерки – о его мудрости и пунктуальности, а поэтические слова – о артистизме. Отец Вивианы был одним из самых известных в Европе композиторов.

Она снова вдохнула запах, затем расправила письмо на коленях и пробежала глазами. Не поверив в то, что там было написано, Вивиана еще раз очень внимательно перечитала письмо. Чесли, по-видимому, обо всем извещал своего старого друга. Отец уже знал, что сегодня у Вивианы последнее представление «Похищения» и что весь лондонский Уэст-Энд повергнут к ее ногам. Наконец ее выступление в роли Констанции обернулось долгожданным триумфом.

И вот теперь отец писал, что она, Вивиана, может вернуться домой. Вивиана закрыла глаза и задумалась. Боже, какое странное совпадение судьбы и времени! Кажется, прошла целая вечность с той поры, когда она, гонимая страхом, со скрипкой и нотными листами, бежала из Венеции. И теперь вернуться! О, ради этого она и жила и об этом мечтала все время, кроме тех мгновений, что прошли в объятиях Куина. Он оказался для Вивианы истинным спасением.

А теперь она могла вернуться домой. То, что ей предлагалось, немного напоминало сделку с дьяволом. Конечно, не этого она хотела. Тем не менее, как писал отец, в этом были определенные преимущества. Большие преимущества. Ее возвращение неизмеримо облегчило бы жизнь отца, хотя он скорее умрет, чем признается в этом.

Решение предстояло принимать ей. «Не будет никакого принуждения». Вивиана могла поспорить, что эти слова не принадлежат отцу. Очевидно, граф Бергонци изменил тактику. Более того, по осторожным словам отца Вивиана поняла, что он убежден: она отвергнет предложение Бергонци, и он простит ее, если она так поступит. Вивиана положила руку на живот. Она далеко не была уверена, что может позволить себе такую роскошь, как отказ графу.

Принесенная вода оказалась горячей и чрезвычайно приятной. Вивиана наслаждалась ванной, когда в комнату тихо вошел Куин. Он выглядел рассерженным.

Взглянув на обнаженную Вивиану, он натянуто улыбнулся:

– Смываешь улики, Виви?

– Помолчи, Куинтин, – ответила Вивиана, устремив на него взгляд своих черных глаз. – Мне было вполне достаточно твоей ревности вчера. Веди себя пристойно или уходи.

Куинтин опустился на колени возле ванны и оперся о ее край. Сегодня у него был тусклый взгляд. От него пахло бренди, табаком и еще чем-то малоприятным. Похоже, он провел беспокойную ночь.

– Ты этого хочешь, Вивиана? – шепотом спросил Куинтин. – Ты прогоняешь меня?

Она выронила мыло.

– Как, Куин? – Вивиана выронила мыло, от огорчения всплеснув руками. – Mio Dio, разве я прогоняю тебя? Нет, и это правда, sì?

Куинтин отвел глаза. Похоже, он не верил ей.

– Говорят, лорд Лотон обещал тебе дом в Мейфэре и денег больше, чем я могу вообразить. Во всяком случае, пока не получу титул. Это правда, Виви?

Вивиана покачала головой:

– Куин, какое это имеет значение, даже если и правда? Я больше не продаюсь – возможно, даже тебе. Почему ты должен так ревновать?

– Как я могу не ревновать, Вивиана? – с досадой проговорил Куинтин, касаясь пальцем ее соска. – Куда бы ты ни пошла, мужчины пожирают тебя глазами. Но ты по крайней мере еще хочешь меня.

Вивиана сердито посмотрела на Куинтина, но не оттолкнула его руку.

– Мое тело хочет тебя, это так, – призналась она. – Но иногда, amogе mio, мой ум не хочет.

– А твое сердце, Вивиана? – прошептал Куин, глядя на Вивиану из-под черных как уголь ресниц. – Я предусмотрительно спрятал твое тело в этой квартире, за которую заплатил. Владею ли я и твоим сердцем?

– У меня нет сердца! – резко ответила Вивиана. – Это сказал мне ты, если помнишь, на прошлой неделе, когда мы ссорились. И не надо напоминать мне, Куин, кому принадлежит крыша над моей головой. Я стала вспоминать об этом при каждом вдохе.

Желая помучить ее, Куинтин наклонился и повернул голову так, что смог дотянуться губами до соска Вивианы. Она сидела не шелохнувшись, позволяя ему втянуть сосок в рот и зажать зубами. Желание тут же охватило Вивиану. Ей вдруг стало трудно дышать.

Куинтин поднял голову и удовлетворенно улыбнулся.

– Куда ты ездила прошлым вечером, любовь моя? – спросил он.

Вивиана с вызовом посмотрела на него:

– К Чесли, в его дом. Мы обедали с лордом и леди Ротерс и с их знакомыми, которых они привезли из Парижа.

– А все они, не сомневаюсь, покровители искусств, – насмешливым тоном заключил Куинтин. – Тесный кружок моего дяди!

– Почему ты так часто плохо о нем думаешь? Он добр ко мне, не более того.

– Мой дядя – прекрасный человек. Это его друзьям я не доверяю. Между прочим, моя милая, что это у тебя вот здесь, под скулой? Синяк? Или что-то еще?

Взгляд Куинтина помрачнел, когда он пальцем провел по шее Вивианы.

– Здесь ничего нет, – отрезала она. Ей не надо было и смотреть. Куин пытался добиться от нее признания какой-нибудь ее вины. – Ничего нет, и ничего не было, Куин, – продолжала Вивиана. – Чесли – друг моего отца. В Лондоне он мой наставник и относится ко мне как к своей подопечной. Сколько раз надо возвращаться к этому глупому спору?

Куинтин отвел глаза:

– Я ничего не могу с собой поделаться, Вивиана. Ты... ты сводишь меня с ума. Чесли водятся с распущенными людьми. Мне невыносимо видеть, как эти мужчины глазят на тебя.

– А как, скажи, я могу избежать этого? Что ты от меня хочешь, Куин? Чтобы я отказалась от карьеры? Ушла в монастырь? Видит Бог, я певица и мне нужна публика.

Вивиана быстрым движением подобрала с пола полотенце и оттолкнула Куина.

– Я... я мог бы платить тебе. Сейчас немного, а потом – рано или поздно – намного больше. Тогда тебе совсем не надо будет петь.

Вивиана с изумлением посмотрела на Куина:

– Иногда я думаю, что ты не понимаешь меня. Я должна петь. Это не связано с деньгами.

Куин смотрел, как Вивиана встала, чтобы вытереться. Она и не пыталась прикрыть свою наготу от его пылающего взора. Ведь она принадлежала ему. Он купил ее и оплачивал ее расходы. И она позволяла ему делать это, хотя сначала сопротивлялась с яростью тигрицы.

– Ложись в постель, Вивиана, – скомандовал Куин, когда она закончила вытираться. – Раздвинь ноги. Я хочу тебя.

Вивиане хотелось отказать, но она тоже хотела Куина, несмотря на его отношение к ней. Ревность и взаимные обиды разъедали их сердца. Куин был слишком молод. Слишком неопытен. А она, Вивиана, просто слишком одинока. Теперь они лишь использовали друг друга. Понимал ли это Куин?

Она-то понимала. Но все равно жаждала наслаждения и удовлетворения, которое ей могло дать его сильное молодое тело. Вивиана жаждала его. И она помнила время, совсем недавно ушедшее время, когда они боготворили друг друга и вместе переживали радости и восторги первой любви.

– Ложись в постель, – повторил Куин. – Ты моя любовница, Вивиана. У меня есть право. И это тоже было правдой. Вивиана отбросила полотенце, откинула простыни и легла.

Куин сбросил с себя одежду с ловкостью человека, привыкшего к тому, что его потребности и капризы всегда удовлетворялись. Он уже возбудился и был полностью готов. Как обычно.

Отшвырнув в сторону бежевые панталоны, он торопливо забрался на кровать и сразу же навалился на Вивиану. Она тихо ахнула и выгнулась навстречу.

– Ты принадлежишь мне, Вивиана, – шептал Куин, со всей силой входя в нее. – Никогда не забывай об этом.

Вивиана не принадлежала ему, но не стала спорить, а только приподняла бедра, чтобы острее чувствовать его внутри себя.

Куин схватил ее за руки и завел их вверх над головой. Он держал их так все время, пока они пререкались друг с другом.

Вивиана уже чувствовала, как напрягается тело Куина, и ее тоже, несмотря на боль, которую он причинял ей. Что она за женщина, чтобы хотеть этого и цепляться за это?

Куин как будто прочитал ее мысли.

– Ты моя, Вивиана! – прорычал он, заглянув Вивиане в глаза. Он все еще держал ее руки высоко над ее головой. – Ты моя, черт побери, и только моя. Скажи это.

Вивиана отвернулась и прошептала:

– Я твоя.

– Смотри на меня, Вивиана, – потребовал Куин, ускоряя свои движения. – Смотри на меня, когда я делаю с тобой это. Иногда я думаю, что ты хочешь разбить мое сердце. Скажи еще раз. Ты моя, и принадлежишь только мне!

Вивиана ответила возмущенным взглядом.

– Я принадлежу себе, Куин, – тихо сказала она дрожащим голосом. – Я принадлежу только себе. Но я захотела быть с тобой. В этом есть разница.

Но Куин, казалось, не слышал ее слов. Он закрыл глаза, черты его лица заострились, он все яростнее вонзался в Вивиану. Она чувствовала, как против ее воли плоть настойчиво и жадно требует удовлетворения. О боже, у Куина на это такой талант! Вивиана хотела забыться в этом чисто физическом акте, хотела не ощущать ничего, кроме слияния их тел.

Куин чувствовал это, и это еще сильнее разжигало его. По крайней мере в этом он понимал ее.

– Sì, caro mio, – простонала Вивиана. – Ах да! Вот так.

Пот выступил у Куина на лбу. Лицо было напряжено.

– Господи, Виви! – воскликнул он. – О господи, я обожаю тебя!

Вивиана освободила руки и, задыхаясь, ухватилась за Куина. Вот наконец последний момент сладкого завершения. Она вскрикнула, содрогнувшись всем телом. Наслаждение переполняло ее, затмевая рассудок.

Куин, тяжело дыша, упал на нее, вдавливая в мягкую постель. Вивиана провела рукой по его мускулистой спине и почувствовала, как слезы подступили к глазам.

– О, amore mio, – тихо произнесла она. – О, ti amo, Куин! Ti amo.

И в эту минуту она действительно любила его. Любила всем сердцем, хотя никогда не позволяла себе сказать эти слова – ни на одном из языков, который Куин мог бы понять. Умиротворенная и обессиленная, Вивиана лежала и слушала его дыхание. Она сделала для себя открытие: самое простое из удовольствий – это лежать в объятиях красивого мужчины... нет, этого мужчины... насытившегося и счастливого, и просто слушать.

Но конечно, спокойствие было непродолжительным. Вскоре они снова ссорились из-за событий прошлого вечера. Видимо, Куин заметил каждого мужчину, который всего лишь поцеловал Вивиане руку или принес бокал шампанского. Это было глупое ребячество, на которое еще повлияла возрастающая слава Вивианы, и она не щадила Куина. Она не могла больше терпеть и сказала ему об этом.

Куин воспринял ее слова с возмущением.

– Господи, как я ненавижу то, что мы вынуждены так жить! – воскликнул он. – Я имею право защищать тебя. Я имею право, Вивиана, показать всему свету, что ты принадлежишь мне.

– Куин, amore mio, мы обсуждали это тысячу раз, – прошептала Вивиана. – Такое известие убило бы моего отца. Не для того он всем пожертвовал, отправив меня в Англию, чтобы я стала любовницей богатого человека.

Действительно, отец отправил Вивиану с совершенно другой целью. Но она не видела смысла говорить об этом Куину. Он бы еще больше рассердился.

– Синьора Алессандри не беспокоит, что его дочь окружает эта безнравственная театральная толпа? – с сарказмом спросил Куин. – Ему безразлично, чьи глаза раздевают тебя? А лорд Ротерс! Боже мой, Виви! За его покровительство надо платить. Он переспал с половиной актрис Уэст-Энда.

– Но со мной он не спал, – возразила Вивиана. – И не будет. И не желает этого. Господи, Куин, он же там был с женой. Что, ты думаешь, там происходило? Любовь втроем на обеденном столе Чесли?

Куин поджал губы:

– Да, продолжай. Превращай все в шутку, Вивиана. Смейся надо мной.

Вивиана положила руку ему на грудь:

– О, caro mio, ты так молод!

– Черт побери, Виви, я ненавижу, когда ты это говоришь! – вспыхнул Куин. – Перестань вести себя так, словно я какой-то глупый щенок. Мне уже почти двадцать один год.

– Да, и мы с самого начала договорились, Куин...

– Да знаю я, черт побери! – Куин схватил Вивиану за руку и с силой сжал ее. – Я знаю. Я сдержу свое слово, Вивиана. Но мне чертовски это не нравится.

В спальне на время наступила гнетущая тишина, которую нарушал лишь шум, доносившийся с улицы. Затем Вивиана перевернулась на живот и оперлась на локоть, чтобы смотреть на Куина.

Как он красив, этот полумужчина-полумальчик, которого она полюбила с такой безудержной страстью. Вивиана вдруг совершенно неожиданно для самой себя поняла, что, вопреки всему, не в силах потерять Куина. Даже после всех этих обидных слов она не могла себе представить жизнь без него. Но существовала ли хоть какая-то надежда? Вивиана молилась об этом, и не только за себя.

– Куин, caro mio, скажи мне кое-что. Как ты собираешься жить дальше? – спросила Вивиана.

Куин поднял голову с подушки и с удивлением посмотрел на нее:

– Что ты имеешь в виду, Виви?

Вивиана слегка пожала плечами:

– Сама не знаю. Ты никогда не думал... скажем, уехать куда-нибудь? Я имею в виду за границу?

– За границу? – удивился Куин. – Господи, куда же?

– В Европу. В Венецию или Рим, может быть?

– Какого черта надо уезжать из Англии? – рассмеялся Куин.

Вивиана почувствовала, что начинает сердиться.

– Может быть, потому, что несложно задохнуться в этом высоконравственном месте?

– Виви, здесь мой дом, – ответил Куин и погладил Вивиану по голове. – Давай больше не будем говорить, что кто-то куда-то поедет, ладно?

– Но как же твое будущее, Куин? – настаивала Вивиана. – Как ты намереваешься распорядиться своей жизнью?

– Буду жить, полагаю. А что же еще делать?

– Но ты никогда не думал, что мы могли бы... – Вивиана осеклась на полуслове, затем сглотнула и добавила: – Куин, ты когда-нибудь думал о браке?

Куин широко раскрыл от удивления глаза:

– Господи! С тобой?

Вивиана отвела взгляд.

– С... с кем-нибудь, кого ты обожаешь, – только и смогла она выдать. – С... да, со мной.

– О, Виви! – прошептал Куин. – О, если бы в жизни все было так просто!

Вивиана ясно сознавала, какой удар будет нанесен ее гордости, но продолжала:

– Возможно, это на самом деле так просто, Куин. Ты говоришь, что не можешь жить без меня. Что тебе хочется объявить меня своей. Я спрашиваю: как сильно тебе этого хочется?

– Так вот из-за чего все эти колебания? Ты требуешь брака? О, Вивиана! Ты знала, что я не могу жениться на тебе, с самого начала наших отношений. Разве не знала?

Вивиана покачала головой:

– Я не требую, Куин. Это не так.

– Ради бога, Вивиана, я наследник графского титула, – продолжал он. – Неужели ты не понимаешь, к чему это обязывает? Когда я должен буду наконец жениться, надеюсь, это произойдет по крайней мере лет через десять, мама женит меня на какой-нибудь бледной светловолосой английской мисс, папаша которой имеет множество титулов и пятьдесят тысяч фунтов в трехпроцентных бумагах, и моим мнением никто не будет интересоваться.

Вивиана прищурила глаза:

– О! Так я слишком стара, слишком иностранка и слишком незнатна для великой династии Хьюитт? Не так ли?

– Послушай, Виви, – проворчал Куин, садясь. – Я этого не говорил.

– Думаю, тебе и не надо говорить! – Вивиана, чувствуя новый приступ тошноты, ударила кулаком по постели. И зачем только она заговорила об этом? Куин прав: она всегда знала, что наступит конец, – но раз спросила, теперь отступить было некуда. – Через несколько недель, Куин, ты станешь совершеннолетним, – проговорила Вивиана дрожащим от гнева голосом. – Тогда ты будешь выбирать сам, на ком жениться. И не смей притворяться, что это не так.

– Ах, Виви! – капризно скривился он. – У нас впереди целая жизнь! Я долго еще ни на ком не женюсь. Зачем портить то, что имеем?

Вивиана криво усмехнулась:

– Si, неприятное дело это будущее, не правда ли?

Куин не заметил ее сарказма.

– Вот, моя девочка, – сказал он, целуя ее. – Посмотри, Виви, я что-то принес. Это поднимет тебе настроение.

Куин слез с постели и, пошарив в карманах, вернулся с маленькой коробочкой.

– Открой, – велел он.

Вивиана подняла крышку и ахнула. В коробочке лежало кольцо – широкая с искусным орнаментом полоска золота со вставленным в нее одним большим рубином квадратной формы. Это действительно было великолепное ювелирное изделие. Но Вивиане захотелось вернуть его Куину. Почему он так настойчиво засыпает ее подарками? То, что ей нужно, нельзя купить за его деньги, а это кольцо наверняка обошлось Куину намного дороже, чем он мог себе позволить.

Куин оттолкнул от себя коробочку, когда Вивиана протянула ее ему.

– Надень его, Виви, – настойчиво попросил он. – Надень, но обещай мне одну вещь.

Вивиана неохотно надела кольцо на правую руку.

– Я... да, я постараюсь.

– Обещай, что ты сохранишь его. Обещай, что никогда не продашь его и время от времени будешь надевать и думать обо мне.

Вивиана смотрела на кольцо и едва сдерживала слезы горечи и обиды.

– Я никогда не перестану думать о тебе, Куин, – прошептала она.

– Как и я не перестану думать о тебе, Виви, – эхом отозвался Куин. Однако в его взгляде читалось явное недоверие. – Так когда тебе надо быть в театре?

– В шесть, – равнодушным тоном ответила Вивиана.

– Да, и мне надо скоро уходить, – продолжил он. – Мы теряем драгоценное время, когда могли бы доставить друг другу удовольствие. Я бы мог сказать тебе, Вивиана, что ты самое прекрасное создание на этой земле. Что от твоих глаз у меня перехватывает дыхание, а от вида твоей груди останавливается сердце. Ложись, моя дорогая, и давай снова займемся любовью.

Теперь это называлось «заняться любовью». А не его прежним вульгарным выражением.

Вивиане следовало прогнать Куина из своей постели, но воспоминания о более счастливом и приятном времени были до боли сильны, а впереди ее ждало унылое будущее. Вивиана с покорностью легла на спину.

Куин поднялся с постели несколько часов спустя, его настроение улучшилось, но взгляд оставался недоверчивым. Вивиана смотрела, как он одевается, и уже в который раз подумала о том, как он будет выглядеть в расцвете мужественности. Уже сейчас у Куина были широкие плечи, а на лице пробивалась темная борода.

Вивиана снова восхитилась совершенством черт его лица. Высокий лоб, тонкая линия носа, высокие скулы и глаза такого цвета, какой бывает у Эгейского моря в часы заката. Какую глупость совершила она, Вивиана, позволив Куину завладеть ее сердцем!

Она не сердилась на него, нет, скорее принимала таким, каким он был. И не винила его. Виновата была ее страстная, романтическая натура. Но для пения необходима страсть. И нельзя жить полной жизнью без романтики. Вивиана смирилась с тем, что вместе с хорошим приходит и плохое и надо жить полной жизнью.

Надев сюртук, Куин наклонился над кроватью и посмотрел Вивиане в глаза так пристально, что на мгновение ей показалось, что он способен заглянуть в ее душу.

– Скажи мне вот что, дорогая. Ты меня любишь?

Вивиана удивилась, ибо он никогда прежде не задавал этого вопроса. И она знала свое сердце так же хорошо, как знала, каким должен быть ее ответ. На это ей еще хватало гордости.

– Нет, Куин. Я тебя не люблю. А ты не любишь меня.

– Нет. Полагаю, что нет.

Вивиана пожала плечами:

– Так лучше всего, не так ли?

Куин резко выпрямился:

– Ладно, Вивиана. По крайней мере ты поступила честно.

Но Вивиана солгала. И, глядя, как Куин направляется к двери, она вдруг подумала, не сделал ли и он то же самое.

Нет. Нет, такого не могло быть.

Дверь захлопнулась. Вивиана устало вздохнула и закрыла глаза, едва сдержав слезы. Она слушала, как затихают его тяжелые шаги в коридоре. Одна предательская слезинка скатилась по ее щеке и упала на подушку.

Вивиана решительно поднялась. Нет, видит Бог, она не станет плакать. Одной слезы уже слишком много, и если появится другая, то им не будет конца.

Люси вошла в комнату, когда Вивиана надевала халат.

– Убрать здесь сейчас, мисс? – спросила служанка.

– Grazie. – Вивиана подошла к маленькому письменному столу, стоявшему под окном. – Сегодня я в последний раз пою Констанцию, Люси.

Вивиана открыла ящичек, в котором хранились ее скудные сбережения.

– Я знаю, мисс, – ответила горничная и начала оправлять постель. – Это было великолепно, не правда ли? А что вы будете делать дальше? Может, вам следовало бы поехать в Брайтон и отдохнуть? Может, мистер Хьюитт отвезет вас? Я слышала, там очень красиво.

– Дело в том, Люси, что завтра я уезжаю домой, – сказала Вивиана и протянула служанке тоненькую пачку банкнот. – Вот возьми. Я хочу, чтобы ты это взяла. Лорду Чесли не надо знать об этом.

Девушка с изумлением посмотрела на Вивиану и оттолкнула ее руку:

– Но я не могу взять ваши деньги, мисс! Кроме того, непохоже, что они у вас лишние, и хотя мне не пристало говорить об этом, но я сказала.

– Люси! – с упреком в голосе воскликнула Вивиана.

– А что? Вы думаете, я не знаю, мисс, что вы посылаете домой каждое сбереженное пенни, и продаете украшения, и едите черствый хлеб к тому же? Кроме того, лорд Чесли платит мне достаточно за то, что я служу вам. А я это делаю с большим удовольствием.

С грустной улыбкой Вивиана вложила деньги в руку Люси:

– Возьми. Там, куда я еду, нам с отцом деньги будут не нужны. И мне бы хотелось, чтобы ты вернулась в имение лорда Чесли и вышла замуж за этого твоего красивого лакея. Эти деньги – мой свадебный подарок. Ты должна купить колыбель, очень красивую колыбель для твоего первенца, и думать обо мне, качая ее, si?

Люси разжала руку и посмотрела на банкноты.

– Но как вы можете так сразу покинуть Англию? – спросила она. – Что будет с вами настолько далеко отсюда, в чужом месте?

Вивиана улыбнулась. Бедная девушка была так наивна и провинциальна... совсем как Куин.

– Это мой дом, – тихо проговорила Вивиана. – И мне пора вернуться туда. А теперь пожелай мне счастья, Люси. Я только что узнала, что тоже выхожу замуж.

Лицо девушки расплылось в широкой улыбке.

– О господи, мисс! – воскликнула она, всплеснув руками. – Я так и знала! Я так и знала, что мистер Хьюитт поступит правильно, как только вы ему скажете! Я знала, что все как-то устроится.

Вивиана почувствовала, как слезы подступили к ее глазам, и поспешила отвернуться к столу.

– Думаю, Люси, что ты неправильно поняла меня. Я возвращаюсь домой, чтобы выйти замуж за того, кто раньше... ну, за того, кого я раньше знала.

– О нет, мисс! – Вивиана почувствовала, как Люси коснулась ее руки. – Но... но как же мистер Хьюитт?

Вивиана овладела собой и повернулась к Люси лицом. В опере требуется быть не просто хорошей певицей, но и способной актрисой.

– О, я думаю, мы придем к взаимопониманию, он и я, – сказала Вивиана, заставляя себя улыбнуться.

– Но я не понимаю, как это может быть! – недоумевала Люси.

– Тихе! – Вивиана положила руки девушке на плечи и расцеловала ее в обе щеки. – Я покидаю Англию, мой преданный дружок. Не грусти обо мне. Все хорошее имеет конец, si?

Глава 1, в которой лорд Чесли строит грандиозные планы

Осень 1830 года

– Все хорошее когда-нибудь кончается, – проворчал маркиз Девеллин, разглядывая витрину самого дорогого на Пикадилли ювелирного магазина. – Постарайся, мой друг, смотреть на брак как на начало новой жизни, предоставляющей множество возможностей.

– Да, и чертовски много невозможностей, – заметил граф Уинвуд.

– Каких же? – хитро усмехнулся Девеллин.

– Таких, как невозможность устроить Илзу Карлссон в тихом домике в Сохо, что мне давно хотелось сделать.

Девеллин согласно кивнул:

– Трагедия. Хотя Илза стоит дороже, чем ты обычно платишь, старина. В любом случае мы здесь для того, чтобы купить свадебный подарок твоей невесте, не так ли?

Уинвуд указал на браслет с большим красным кабошоном:

– Ну как тебе этот? Пожалуй, мне нравится цвет. Это рубины?

– Боюсь, всего лишь гранаты, – ответил Девеллин. – Так что и не думай: никаких гранатов, никаких талантливых мисс Карлссон. Дешевые камни твоя невеста может и не заметить, но этот дракон, ее тетка, наверняка заметит. И Илзу, ну ее-то нельзя не заметить. Тут должны быть подлинные рубины и настоящая верность.

Лорд Уинвуд болезненно скривился и взялся за дверную ручку:

– Ладно, тогда пойдем. Можем войти и что-нибудь купить.

Звякнул колокольчик, и мужчины вошли в магазин. Приветливая молодая женщина протирала стекла, закрывавшие деревянные ящички. В воздухе висел едкий запах уксуса.

– А, добрый день, милорд, – сказала она, улыбаясь Девеллину как старому знакомому. – А это мистер Хьюитт, если не ошибаюсь? Надеюсь, вы оба в добром здравии?

– Крепки, как пятипенсовик, мадам, – весело ответил маркиз. – Но мистер Хьюитт теперь лорд Уинвуд. И из этого следует, что вы можете взять с него лишнего.

Женщина грубовато рассмеялась.

– Милорд, ну и шутки у вас! Боюсь, муж ушел по делу. Могу я вам помочь, пока он не вернулся?

Уинвуд отвел взгляд от браслета с бриллиантами, на который смотрел невидящими глазами.

– Я хотел бы посмотреть на какие-нибудь драгоценности, – выдавил он. – Может быть, бриллианты? Или... или изумруды?

– Вы должны извинить его за нерешительность, миссис Брэдфорд, – вмешался Девеллин, подмигивая жене ювелира. – Мой друг ищет подарок для весьма особого случая.

Миссис Брэдфорд подняла тонко очерченные брови и вкрадчивым голосом заметила:

– Мы в «Брэдфорд и Барнет» главным образом делаем вещи для особых случаев. Не слышу ли я свадебные колокола?

– Скорее похоронный звон, судя по виду моего друга! – рассмеялся Девеллин. – Это печальная история еще об одном прекрасном и страстном юноше, которого вот-вот выдернут из счастливого пребывания в холостяках и вздернут на священной виселице семейной жизни.

– О, виселица определенно требует дорогих украшений, – проговорила миссис Брэдфорд с серьезным выражением лица. – Вы ищете обручальное кольцо, милорд?

– Нет! – торопливо ответил лорд Уинвуд, вздернув голову, как испуганный олень. – Я хочу сказать... пока еще нет.

– Только подарок на помолвку, – пояснил Девеллин. – Предстоит помолвка, и милорд хочет сделать ее особым событием для невесты. – Он замолчал и тихонько толкнул локтем друга: – Разве я не прав, Куин?

– Именно так. Я хочу чего-нибудь... э... вы понимаете... особенного.

Лицо миссис Брэдфорд озарилось улыбкой, и она двинулась вдоль прилавка вместе с Уинвудом.

– Вы думали о бриллиантах? Но только не кольцо. Может быть, браслет? Или брошь?

– Я думаю, ожерелье, – сказал Уинвуд.

– Да, и очень дорогое, – добавил Девеллин. – Она совсем особенная молодая леди.

Неисправимый циник, Уинвуд начал удивляться, сколько же раз они повторяют слово «особенный», пока не покончат с этим утомительным делом. Он питал глубокую и неистребимую ненависть к ювелирным лавкам. А Дев был чертовски настойчив, когда дело касалось этого брака, он как будто подбивал Куина довести дело до конца. Вот и сейчас он тянул его от витрины к витрине, словно подталкивая к женитьбе.

О, черт! Надо что-то выбрать. Что-то особенное, конечно. Но, на взгляд Куина, все выглядело одинаково.

– Вот это, – сказал он, указывая на тяжелую цепь из чеканного золота с большим многогранным куском какого-то голубовато-зеленого камня. – Это не бриллиант, но выглядит очень... впечатляюще.

Девеллин подошел ближе:

– Э... я так не думаю, Куин.

Миссис Брэдфорд слегка нахмурилась.

– А она очень молодая леди, милорд? – спросила она. – И какого цвета у нее глаза?

– Ее глаза... – Уинвуд задумался. – Ну, ее глаза... они вроде как... (Черт возьми! Какие же глаза у мисс Гамильтон?) Их трудно описать, но...

– Зеленые, – вмешался Девеллин. – Она очень маленькая, очень молодая, а глаза у нее холодного зеленого цвета с золотыми искорками. Эта цепь будет давить на нее, как кольчуга, и совершенно не подходит к ее глазам. Я даже начинаю сомневаться, Куин, что ты что-либо соображаешь.

Уинвуд сердито посмотрел на друга:

– Ты забываешь, Дев, что в моей жизни интересы не сводились к рабскому уходу за дорогими, слишком эмоциональными оперными танцовщицами.

– О, конечно, нет, – понизив голос, согласился маркиз. – Женщины, с которыми ты обычно имеешь дело, предпочитают наличные.

Миссис Брэдфорд позволила себе вольность тихо усмехнуться и, покраснев, отвернулась.

Девеллин прокашлялся.

– Ладно, я бы хотел взглянуть на серьги, миссис Брэдфорд. Я задумал, Куин, купить Сидони сапфировые серьги, чтобы она могла носить их с тем платьем, в котором на прошлой неделе была на обеде у мамы. Как ты думаешь?

– Я думаю, тебе следует каждую неделю покупать ей пару серег, – ответил Куин. – Иначе она опомнится и начнет удивляться, зачем вышла за тебя замуж.

Девеллин усмехнулся и заставил миссис Брэдфорд выдвинуть несколько обитых бархатом ящичков, содержимое которых он тщательно изучил. Как заметил Уинвуд, ему действительно хотелось доставить удовольствие своей жене.

Уинвуд же потерял всякий интерес к этому делу. О, он желал сделать приятное мисс Гамильтон. Искренне хотел. Но беда заключалась в том, что он не знал Эсме так хорошо, как любой джентльмен желал бы знать свою невесту. Конечно, он знал, что она красива. И еще что

она отличается прагматизмом и прямоотой. Он бы не потерпел глупую, жеманную лондонскую мисс или такую, которая скорее обведет мужчину вокруг пальца, чем скажет ему правду прямо в глаза. Видит Бог, этого опыта Куину хватило бы на всю оставшуюся жизнь.

Эсме, конечно, не любила его. Об этом она откровенно сказала Куину. Но любовь не была нужна или даже не привлекала Куина. Они с Эсме сумеют сделать совместную жизнь достаточно терпимой. В этом он не сомневался. С Эсме было так же легко ладить, как и приятно на нее смотреть. Куин с нетерпением ждал, когда она окажется в его постели, и с еще большим нетерпением – когда родит ему ребенка, предпочтительно сына. Мать Куина очень хотела внука.

Смерть отца была преждевременной и неожиданной. Куину еще не было тридцати, и он не имел никакого желания отказаться от беззаботной холостяцкой жизни ради спасения династии Хьюитт от гибели. Однако его мать была в состоянии, близком к панике, хотя ее хорошее воспитание и врожденное владение собой помогали ей это скрывать ото всех, кроме тех, кто хорошо ее знал. Если Куин умрет, не оставив наследника, все перейдет к ужасному кузену Эноку, который – его мать несколько не преувеличивала – немедленно вышвырнет ее на улицу. Мать Куина стала бы зависима от своего младшего брата лорда Чесли, или ее отправили бы на жительство в Оксфордшир к сестре Куина Элис. А его мать скорее умрет, чем согласится на то или другое.

Поэтому династия должна продолжаться. Они с Эсме намеревались удалиться в Бакин-гемшир, завести трех или четырех детей и жить более или менее счастливо. Ради этого, убеждал себя Куин, он готов на любые вынужденные жертвы, в их числе – отказаться от Илзы и других холостяцких привычек. Эсме стояла этих жертв. Если бы не она, то на ее месте оказалась бы девушка, выбранная его матерью по своему вкусу.

– Я возьму эти, – услышал Куин голос Девеллина.

Миссис Брэдфорд назвала цену, за которую можно было приобрести в собственность небольшую недвижимость в Чесли. Девеллин не раздумывая согласился и повернулся к Уинвуду:

– А что же ты, Куин? Что ты выбрал для своей шотландской красотки?

– Я еще не решил, – признался Куин. – Думаю, лучше сначала поговорить с леди Таттон. Она знает, что предпочитает ее племянница, не правда ли?

– Или Аласдэр? – предположил Девеллин, когда миссис Брэдфорд исчезла в глубине магазина, чтобы упаковать покупку. – Тебе следует обратиться к Аласдэру и спросить, что, по его мнению, понравится Эсме. Он к ней равнодушен и знает ее лучше, чем другие. Уверен, он даст тебе наилучший совет.

Уинвуд возмутился. Сэр Аласдэр Маклахлан был одним из их самых беспутных и веселых приятелей, по крайней мере до последнего времени. Теперь, однако, Аласдэр вел себя очень странно. Как и Эсме, Аласдэр был шотландцем. И благодаря какому-то трудно объяснимому происшествию, связанному с новогодним маскарадом, Аласдэр оказался еще и отцом маленькой сестренки Эсме, хотя почти никто об этом не знал. Уинвуд же это знал, и его чертовски раздражало, что Девеллин все время связывал их имена. Чего, черт побери, добивался этот человек?

Где-то в глубине магазина пробили часы.

– Черт бы меня побрал! – воскликнул Девеллин. – Который час? Я опаздываю к чаю на Гросвенор-сквер. Мама оторвет мне голову и подаст ее на самом лучшем позолоченном блюде. Миссис Брэдфорд? Миссис Брэдфорд! Пожалуйста, поскорее.

Жена ювелира поспешно вернулась и протянула маркизу лист бумаги, требующий его подписи. Нацарапав на нем что-то неразборчивое, Девеллин сунул сверток в карман и ободряюще похлопал Уинвуда по плечу.

– Смелее, старина! – сказал он и исчез за дверью.

Миссис Брэдфорд записала покупку Девеллина в расчетную книгу в зеленом суконном переплете.

– Показать вам что-нибудь еще, милорд? – спросила она, без особого интереса взглянув на Уинвуда.

– Нет, благодарю вас, – ответил Куин, водружая шляпу на голову. – Я выясню, что нравится леди, и зайду в другой раз.

Куин вышел в Берлингтонский пассаж и зашагал в сторону шумной Пикадилли. Ветер разносил сухие листья по улице, загнав их даже в сам элегантный пассаж. Был удивительно ясный осенний день, но холодный воздух напоминал о скором приближении зимы.

Остановившись на тротуаре, Уинвуд прищурил глаза от яркого света, ощущая некоторую растерянность. Господи, каким идиотом он чувствовал себя в этой жарко натопленной лавчонке ювелира! Девеллин прав: он не имел дел с женщинами, которым покупают дорогие украшения. Уже давно. И даже когда он однажды купил что-то, то это были рубины.

Куин увидел их и тут же подумал о... Вивиане Алессандри. Насыщенный кроваво-красный цвет рубина всегда был ее олицетворением. Нежная, с чуть заметным оливковым оттенком кожа Вивианы оживляла цвет камня. И Куин выбирал браслет, и брошь, и ожерелье так же тщательно, как Девеллин выбирал сапфировые серьги для своей любимой Сидони.

Но Вивиана неизменно продавала подаренные Куином украшения, безжалостно и расчетливо, чтобы заплатить портнихе или, как он подозревал, оплатить свои карточные долги. Что было, конечно, ее правом как содержанки. Или, более точно, продажной женщины. И когда закончилось это ужасное мучительное положение, Куин дал себе слово, что никогда больше не будет тратить свои душевные силы на выбор подарка, даже какой-нибудь безделушки для женщины. В течение последних девяти лет он не подходил к дверям ювелирной лавки. До сегодняшнего дня.

Куин направился к Грин-парку, но, пройдя несколько шагов, остановился напротив гостиницы «Бат». Роскошная карета с четверкой лошадей подъехала к углу здания, где какой-то джентльмен и дама горячо спорили о чем-то, сопровождая выразительным жестом почти каждое слово. Куин сразу же понял, что это богатые люди и что они иностранцы. О первом ясно свидетельствовала их одежда. А что касалось второго, то англичане, принадлежавшие к высшему обществу, скорее бы умерли, чем позволили вести себя на улице как базарные торговки.

Куин не мог разглядеть лица дамы, но у него возникла странная уверенность, что она потрясающе красива. Джентльмен же был пожилым, сутулым и болезненным на вид. Куин уловил обрывки их разговора. Они говорили по-итальянски или на каком-то другом похожем языке. Подобно неотесанному деревенщине Куин продолжал глазеть на них, хотя и не мог объяснить себе почему.

Из обрывков фраз Куин наконец понял, что являлось предметом спора. Леди хотела, чтобы джентльмен сел в карету. Джентльмен желал идти пешком. Последовало еще несколько более резких слов, и джентльмен, казалось, собрался оставить женщину, однако она замахала руками, признавая свое поражение. Пожилой человек явно колебался. Леди материнским жестом поправила шарф на его шее и засунула концы под пальто. Джентльмен взял в ладони ее лицо, поцеловал в обе щеки и направился в сторону Мейфэра.

Дама оглянулась по сторонам.

Куин внезапно почувствовал, что утратил способность дышать.

Когда-то в детстве он решил перепрыгнуть через ограду, чего ему не разрешалось делать. У его лошади оказалось больше здравого смысла. Куина швырнуло в сторону, и он самым постыдным образом приземлился на траву. Тогда от страха Куин долго не мог отдышаться.

На сей раз этот детский позор длился всего минуту. Ему на смену пришла жгучая ярость. А гордая леди, не удостоив Куина даже взглядом, поднялась по ступеньке в карету и сделала затянутой в перчатку рукой знак трогаться с места.

Позднее, когда Куин размышлял об этом, признался, что видел очень мало. Юбки цвета бургундского, яркие на фоне черного бархата ее развевающейся накидки, черная шляпа, кокетливо сдвинутая набок, широкие черные ленты, завязанные под подбородком, которыми играл легкий ветерок, гордый разворот плеч, резко очерченные черные брови и осанка надменной королевы. Дама садилась в карету с таким видом, как будто ей принадлежал весь мир.

Но что-то изменилось в ее лице. Она выглядела по-другому. Нос... с ним было что-то не так. И все же Куин узнал бы ее везде даже через тысячу лет. Это была Вивиана Алессандри. О да! Куину вдруг стало трудно дышать. Сердце его словно остановилось.

Ближе к вечеру в доме лорда Чесли в аристократической Белгрейвии гулко раздавалось печальное тиканье каминных часов, отстававших минут на десять. «Так-так-так» – стучал маятник, словно отсчитывал свои последние минуты. В гостиной стояла странная тишина. Чесли осторожно отложил в сторону газету и внимательно посмотрел на свою единственную собеседницу.

– Пожалуй, я пойду наверх, Виви, подремлю до обеда, – сказал он, поднимаясь. – Никак не привыкнешь к тяготам путешествий, не правда ли?

Вивиана подняла глаза от кипы набросков и нот и улыбнулась:

– Sì, это утомительно, милорд. Вчера даже маленький Николо очень устал. Просто удивительно.

Чесли подошел к окнам, из которых открывался чудесный вид на Хэнс-плейс.

– Чем бы ты хотела заняться сегодня вечером, Виви? – задумчиво спросил он. – Заберем Диглби и поедем на репетицию «Фиделио»? Или... подожди-ка, я знаю, что мы сделаем! Мы свозим детей в Амфитеатр Этли!

– Но Николо еще так мал...

– Глупости, – ответил Чесли. – Ему там понравится.

Вивиана отодвинула чашку с остывшим чаем. Она дала себе обещание ездить в Лондоне куда-либо только в случае крайней необходимости. Никогда не знаешь, кого ты там встретишь. Но в Этли? Нет, наверняка никого. Да и путешествие из Венеции в Лондон было долгим.

– Как мило с вашей стороны, Чесли, подумать о моих детях, – ответила Вивиана, вставая. – Но, может быть, нам следует просто провести тихий вечер здесь? Боюсь, papà переутомился от прогулки в Сент-Джеймс-сквер. А сейчас он наверху возится с Николо.

– Ну конечно, моя дорогая, – ответил граф. – Я иногда забываю, что Умберто уже стар.

– Да, он стар, – повторила Вивиана.

Чесли подошел к ней и взял ее руки в свои ладони.

– Виви, моя дорогая, с тобой все в порядке? – спросил он. – Ты кажешься сама не своя последние несколько дней. Это из-за путешествия? Не слишком ли многого я потребовал от тебя, упрашивая приехать в Англию?

Вивиана улыбнулась и пожала Чесли руки.

– Я хотела приехать, – бессовестно солгала она. – Мне нужно было немного побыть вдали от Венеции.

Чесли засмеялся:

– О, в самом деле! Зачем оставаться в Венеции, когда можно провести зиму в Англии! Я уверен, должно быть, все дело в том увлечении. Нет, признайся, Виви. Тебе хотелось помучить своего французского маркиза напрасным ожиданием, не так ли? Бедняга! Как его звали?

– Гаспар.

– Да, увы, бедный Гаспар! – воскликнул Чесли.

– Гаспар стал надоедливым, – усмехнулась Вивиана. – О нем я скучать не буду.

Чесли вдруг посерьезнел:

– Но весна еще далеко, моя дорогая. А в Бакингемшире будет очень холодно в январе. Я чувствую себя немного виноватым, что попросил слишком много от тебя и синьора Алессандри.

– Вам должно быть известно, Чесли, что я не могу оставлять папà без присмотра, – сказала Вивиана. – И честно говоря, от участия в создании этой оперы он просто помолодел. Думаю, он был не так уж счастлив, отойдя от дел.

Чесли посмотрел на бумаги, разложенные на чайном столике:

– Ну а что ты думаешь, моя дорогая, о либретто молодого Диглби? Оно заинтересует твоего отца?

– Sì, я так думаю. В достаточной степени. Но меня кое-что беспокоит.

– И что же это, моя дорогая? Я ценю твое мнение.

– Вот эта часть – «Nel Pomeriggio» – мне она нравится, – ответила Вивиана и, помедлив добавила: – Заглавие наводит на размышления: «После полудня» – заставляет предполагать, какие будут действующие лица, не так ли?

– Да-да, продолжай.

– И надо признать, что в ней есть восхитительно остроумные моменты. Поэтому я думаю, что было бы лучше, если бы подобная премьера состоялась в Париже: возможно, в Комической опере? Но не в «Ла Скала», как хочется, кажется, лорду Диглби.

– Ему больше всего хочется успеха, – сухо заметил Чесли. – Твоя точка зрения вполне обоснованна, моя дорогая. Я объясню ему, как это делается в мире оперы. И еще он хочет, чтобы у Марии было пять арий. Слишком много, как ты думаешь?

– У папà это получится, – убежденно ответила Вивиана. – Но для этой роли вам потребуется сильное сопрано.

Лорд Чесли слегка ущипнул ее за подбородок.

– Я это знаю, дорогая Виви. Ты же не думала, что тебя пригласили просто за твои красивые глаза?

– О нет, я не могу! – горячо запротестовала Вивиана. – О, Чесли, я не могу сделать это для вас. Николо еще слишком мал, а я... я...

– Николо сейчас четыре года, – перебил ее Чесли. – И за все это время ты спела всего лишь в двух постановках.

– Да, но дома, в Венеции. Не в Париже и даже не в Милане.

– А за последние два года вообще ни разу.

Вивиана отвела глаза и смотрела в глубину комнаты. У нее не хватало мужества сказать Чесли правду или поделиться с ним своими опасениями.

– Я должна соблюдать траур, – тихо проговорила она. – Я должна сделать для мужа хотя бы это, не так ли?

Граф энергично затряс головой:

– Не допускай, чтобы твои трубы заржавели, девочка. Кроме того, до постановки еще несколько месяцев.

Вивиана бросила грустный взгляд на либретто:

– Ладно, посмотрим, с чем явится папà. Но уверена: это будет что-то очень талантливое и захватывающее, и мне страшно захочется забросить детей и совершенно забыть о бедном Гаспаре.

– Если хочешь знать мое мнение, то судьба Гаспара уже решена, – сдержанно заметил Чесли. – Но забросить детей? Да никогда в жизни.

В эту минуту со стороны холла донесся страшный шум. Дети с грохотом сбежали по лестнице, оглашая дом звонкими криками. В гостиную в облаке светлых оборок ворвались две маленькие девочки, за которыми следовал синьор Алессандри с восседавшим на его сутулых плечах маленьким мальчиком.

– Пара! – Вивиана вскочила на ноги. – Essere attento!
– О, с ним все в порядке, Вивиана, – поспешил успокоить ее старик.
– В этом я уверена. А с тобой?
– Вперед! Вперед! – кричал мальчик, прищипывая деда каблуками. – Вперед, Nonno!
«Вперед» было новым словом в лексиконе малыша. Вивиана пыталась рассердиться, но ей это не удалось.
– Vieni qui, Николо! – сказала она, снимая мальчика с плеч отца.
– Мама, у лорда Чесли есть большая свинья! – сообщила младшая из девочек. – Большая, волосатая, но она... она покойница.
– А, это мертвая свинья? – Вивиана взяла Николо на руки и подняла бровь. – И это существо наверху? А я удивлялась, из-за чего такой шум.
– Нет-нет! – засмеялся синьор Алессандри. – Это... как бы сказать... таксидермия. Дикий кабан.
У Чесли был почти смущенный вид.
– Охотничий трофей времен моей юности, – признался он. – С группой молодых людей я ездил в Африку пострелять. Этот кабан был старым, по-моему, и просто умер от шока, увидев стадо глупых бездельников. Но я сделал из него чучело. И некоторое время гордился им.
– Мы катались на нем, мама, – добавила старшая девочка.
– Серилия!
– Она каталась, – подтвердила Фелис. – А я побоялась. У него такие большие желтые зубы.
– Клыки, Фелис, – с видом превосходства поправила девочку сестра. – Это не зубы. Николо начал беспокойно вертеться, и Вивиана с трудом удерживала его.
Лорд Чесли перехватил ее взгляд и усмехнулся:
– Совсем измучился бедняга, а, Виви?
Вивиана опустила мальчика и виновато посмотрела на графа:
– Простите меня. Дети не привыкли, чтобы их держали в классной комнате. Они будут вести себя лучше, обещаю вам, когда мы доберемся до Хилл-Корта.
– Глупости! – заявил Чесли. – Пусть они бегают по всему дому, прошу тебя.
Вивиана предостерегающе подняла руку:
– О боже, умоляю вас! Мои нервы не выдержат. У вас не останется ни одной приличной конфетницы, если вы предоставите Николо свободу.
Чесли ласково посмотрел на детей:
– Хорошо. Еще несколько дней дела продержат нас в городе, а затем мы уедем. В деревне мы все сможем бегать на свободе.
Какое-то движение на чайном столике привлекло внимание Вивианы. Николо заметил ее остывший чай и схватил чашку севрского фарфора, сделав вид, что собирается выпить чай.
– Нет! – воскликнула она, вырывая чашку из его пухлых пальцев. – Николо, нет!
Мальчик скривил лицо и заплакал. Лорд Чесли мгновенно опустился на одно колено.
– Николо, ты любишь лошадей? – спросил он. – Фелис, Серилия, а вы?
Николо открыл рот.
– Лоши-ди, – повторил он, явно не понимая, о чем речь.
– Я люблю лошадей, – поспешно проговорила Фелис. – У меня скоро будет пони.
– Да, – согласилась Вивиана. – Если будешь хорошо себя вести.
– А я уже знаю, как ездить на лошади, – с гордостью сообщила Серилия.
Чесли сделал изумленное лицо:
– Да, но ты умеешь ездить стоя, Серилия? Без седла?
Девочки смотрели на Чесли широко раскрытыми глазами. Он бросил быстрый взгляд на Вивиану.

– Моя дорогая, думаю, я утвердил наши планы на вечер, – извиняющимся тоном сказал он. – Ты доставишь мне удовольствие?

– Да, конечно, – сумела улыбнуться Вивиана.

Чесли ущипнул Николо за нос и на очень плохом итальянском сказал:

– Послушай, молодой человек, у меня есть для тебя маленький подарок. Ты когда-нибудь слышал о таком месте, которое называется «Амфитеатр Этли»?

Глава 2, в которой лорд Уинвуд приобретает нового друга

Куин довольно неохотно переодевался к вечеру. Жизнь в качестве исправившегося грешника не была лишена некоторых неудобств, думал он, поднимая руки и помогая камердинеру надеть на него рубашку. Ему совсем не нравилось такое положение, когда он окажется на побегушках у этих женщин, особенно своей матери и тетки его невесты.

Что касается самой невесты, казалось, что Эсме несколько не волнует весь этот шум, поднятый вокруг их помолвки. Действительно, ей как будто все равно, будут ли они тихо сидеть дома, играя в пикет, или, разодевшись в самое лучшее платье, отправятся на обед к королеве. Ей это было безразлично, по крайней мере Куин так думал.

Но его мать была в восторге от предстоящей женитьбы и настойчиво требовала всего, что явно противоречило здравому смыслу. Куин сделал все, что мог, чтобы помешать ей устроить с леди Таттон свадебный завтрак, как будто церемония должна состояться на следующей неделе, а не следующей весной, как они договорились с Эсме.

В предыдущие годы Куин просто не обращал внимания на требования матери остепениться. Он очень редко виделся с ней, но после смерти отца был вынужден проводить с матерью много времени, большую часть которого она не отпускала сына от себя и оплакивала свое неожиданное вдовство.

Возможно, это свидетельствовало о скрытой слабости его характера, но Куин не мог вынести слезы матери. И, выполняя с некоторым запозданием долг хорошего сына и только что помолвленного джентльмена, в этот вечер он вынужден в очередной раз сопровождать Эсме и леди Таттон, пожелавших немного развлечься.

Куин уже был сыт по горло обедами, театрами и светскими вечерами. И его не покидало очень странное впечатление, что Эсме была почти так же равнодушна ко всему этому, как и он сам. Все же, согласно любимому выражению его матери, очень важно соблюдать приличия. От собиравшегося вступить в брак джентльмена требовалось, чтобы он вывозил невесту в свет при каждом удобном случае.

Куин вдруг почувствовал, что готов отдать свою правую руку, лишь бы остаться дома в этот вечер и побыть одному.

– Довольно, Блэвинс, – раздраженно сказал он камердинеру.

– А как же ваш галстук, сэръ? И ваш жилет?

Куин махнул рукой:

– Я сам закончу. Спасибо. Ты свободен до вечера.

Блэвинс подобострастно кивнул и поспешил исчезнуть. Бедняга достаточно хорошо знал, каков бывает хозяин в плохом настроении, что, слава богу, случалось не часто.

Куин гордился своим умением владеть собой. Однако, принимая во внимание его дурные привычки, случалось, что на следующее утро ему хотелось огрызнуться. И за эти годы было лишь несколько довольно редких случаев, когда матери удавалось загнать Куина в угол и заставить его выслушать длинную и жалобную речь о его растроченной понапрасну жизни. Безусловно, настроение от этого не становилось лучше. Кроме того, Куин уже давно пришел к выводу, что в этом мире мало что стоит его волнений.

Тогда почему последнее время его не покидало ощущение тревоги? Он собирался жениться на молодой женщине, которая ему очень нравилась. Ему повезло: он нашел не только красивую, но и удивительно разумную, обладающую сильным характером. Эсме умела разве-селить его. Но Куин был не настолько глуп, чтобы думать, что влюблен или что Эсме Гамильтон была для него единственной женщиной на земле.

Нет, он знал, что всегда найдется другая женщина. Его жизнь давно была заполнена ими. Женщины, похоже, находили его привлекательным. По крайней мере они часто говорили ему об этом, как раз перед тем, как сделать ему предложение, от которого, как они полагали, он не сможет отказаться.

Будучи неопытным молодым человеком, Куин не сознавал, какую власть над ними имеют его внешность, богатство и титул. Став мужчиной, он слишком хорошо это понял. И уже давно решил, что намного удобнее просто платить за свои удовольствия, как это делают другие мужчины.

О, Девеллин может подшучивать над этим, но многое говорило в пользу чисто деловых денежных сделок. Таким образом, не возникало никаких недоразумений. Никаких ожиданий. И никаких несбыточных надежд. Без этого, как Куин уже давно решил, он может обойтись. Так было, пока он не встретил Эсме. Она понравилась ему с первого взгляда, как только он увидел эту маленькую, полную огня шотландочку. Может быть, в этом заключалась его беда? Может быть, его невеста нравилась ему чуточку больше, чем бы ему хотелось. Может быть, у него снова пробуждалась надежда. Это было в высшей степени неразумно. Потому что сегодня днем... о господи Иисусе! Куин не хотел думать об этом.

Куин подошел к стоявшему между окнами письменному столику и начал перебирать вещи в нижнем ящике в поисках старой позолоченной табакерки. Он нашел ее засунутой между двумя чернильницами, под кипой листов с очень плохими стихами. Необходимо сжечь эту кипу бредовой чепухи в камине, перебирая бумаги, думал Куин, пока кто-нибудь не прочитал его вирши и не высмеял потом.

Однако он засунул бумаги обратно и, схватив табакерку, ногтем открыл ее. Внутри лежала не прядь волос, а целый локон: шелковистая черная спираль в несколько дюймов длиной. Куин осторожно накрутил ее на палец, как он делал это вначале по два-три раза в день. Но уже не так часто в последнее время. И как ни странно, ни разу с тех пор, как встретил Эсме. Может быть, это было проявлением надежды?

Куин равнодушно смотрел на локон в свете лампы. С некоторой долей облегчения он почувствовал, что ничто не шевельнулось в его сердце. Красивый локон был... всего лишь локоном. Сентиментальный пустяк, подобный его скверным стихам. Напоминание о том, какую глупость может совершить человек, утратив осторожность. Но Куин стал очень, очень осторожным. Шок, который он испытал на Пикадилли, прошел, и сейчас его сердце билось спокойно.

Однако когда-то это тайное сокровище было для Куина дороже всего на свете. Но тогда он был так молод: ему едва исполнилось двадцать, когда он так безнадежно влюбился, влюбился в женщину, у которой не находилось и минуты, чтобы взглянуть на него. Но он сделал еще большую глупость, когда добился ее. В ту ночь, которая навсегда осталась в его памяти, Куин украл этот шелковый локон, упавший на пол ее гримерной. Да, для него это был знак надежды.

Словно издалека донесся бой напольных часов, стоявших в нижнем холле и печально отсчитывавших каждый час. Куин торопливо спрятал локон и задвинул ящик. Пора ехать к Эсме. Пора думать о будущем. Куин накинул на шею свеженакрахмаленный шейный платок и начал тщательно завязывать его.

Когда они приехали, театр был уже полон. Куин проводил дам на их места, находившиеся в одной из самых дорогих лож в нижнем ярусе, откуда все было прекрасно видно. Но представление еще не успело начаться, как леди Таттон принялась кутаться в шаль и натягивать перчатки, при этом почти стуча зубами.

Куин дважды предлагал ей свое пальто, и дважды ее милость отказывалась, хотя с каждой минутой выглядела все более несчастной. Эсме попыталась сохранить бодрость духа.

– Интересно, будут ли сегодня клоуны? – спросила она. – Знаете, я никогда не видела настоящего клоуна. Вероятно, я буду так взбудоражена, что вам обоим станет страшно стыдно за меня.

Уинвуд наклонился к ней и благодарно пожал руку. Затем он стал рассказывать о том, какие номера они увидят, что привело Эсме в восторг. Но никакие разговоры не могли отвлечь ее милость от страданий.

– Послушайте, Уинвуд, – сказала наконец она, – не могли бы мы сесть немного выше? Там, должно быть, теплее. И к тому же безопаснее. Я слыхала, что лошади копытами отбрасывают опилки прямо в лицо зрителям, а клоуны, возможно, кидают что-то и похуже.

Куин тотчас же вскочил:

– Я найду кого-нибудь, мадам, и узнаю, не можем ли мы поменять места.

Но найти кого-нибудь оказалось нелегким делом. Амфитеатр Этли не был роскошным заведением. Скорее наоборот: это было место, где «свет» снисходил до того, чтобы потолкаться среди простых смертных ради того, чтобы пару часов понаслаждаться грубым и непристойным веселым зрелищем. Но Эсме так хотелось побывать здесь. И со времени их помолвки это было практически единственное, о чем она попросила Куина.

Однако леди Таттон явно имела собственное мнение относительно толкания среди тех, у кого титул был ниже баронета. Ее следовало пересадить, иначе она ни на минуту не оставит их в покое. Куин обошел по коридору вокруг партера, не найдя в толпе никого из служащих театра. Однако далее коридоры сужались и вели к дверям на сцену и в гримерные. Уж они-то кем-то обслуживались?

Куин собирался вернуться к главному входу, когда заметил в одном из коридоров хорошенькую акробатку. Несмотря на то что она стояла спиной к нему, ее костюм из перьев, розового атласа и пышного тюля подчеркивал все богатство ее женственной фигурки, и Куин решил, что она вполне подходящее лицо, чтобы поговорить о его проблеме. Возможно, она даже знает, как поменять места.

Но когда он слегка дотронулся до ее плеча и она оглянулась, он с изумлением увидел, что джентльмен, с которым она разговаривала, был лордом Чесли. Его дядя стоял в коридоре и, странное дело, держал за руку ребенка.

– А, Куин, мальчик мой! – приветливо произнес Чесли. – Ты – и здесь? В цирке?

Куину удалось изобразить на лице улыбку:

– Это длинная история.

– Гмм, – заметил дядя. – Похоже, я слишком долго был в Европе.

Он представил хорошенькую акробатку. Ее звали Надия.

Увы, она плохо говорила по-английски, но все несказанное выражали ее глаза, устремленные на Куина. Когда он не ответил на ее взгляд, она отвернулась и ласково дотронулась до кончика носа маленькой девочки; при этом она что-то пробормотала, чего Куин не понял, и собралась уходить. Но едва ли можно было не заметить манящего взгляда, который она, удаляясь, бросила на него через плечо.

– Вот еще одна победа, мой мальчик! – добродушно сказал Чесли. – Но берегись дрессировщика лошадей. Он ее муж.

Куин смотрел на тугие аппетитные ягодицы удалявшейся Надии и размышлял о том, стоит ли рискнуть. Но тут вспомнил об Эсме.

– Нет, – сказал он, скорее самому себе. – Думаю, что нет.

– Широкий выбор, – заметил дядя.

Вдруг Куин вспомнил о ребенке. Слегка смутившись, он снова обратился к дяде.

– И кто это у нас? – спросил он, наклоняясь к девочке. – Вы меня не представили.

– Это мой друг леди Серилия, – ответил дядя. – Она приехала издалека, из Европы, и оказала мне честь сопровождать ее во все интересные места города. Серилия, это мой племянник, Куинтин Хьюитт, лорд Уинвуд.

– Здравствуйте, – сказала девочка. В голосе слышалось смущение, но реверанс был безупречен.

– Я очень рад, леди Серилия, – ответил Куин, щелкнув каблуками, как европейский денди. Он уже давно привык к тому, что дядя постоянно привозит домой беспризорных отпрысков или сирот артистического мира, как другие люди приводят домой бездомных собак.

Девочка снова подняла на Куина глаза и посмотрела ему в лицо. Взгляд ее темно-голубых глаз был удивительно пронизательным. В нем таилась какая-то грусть. И когда Куин смотрел на девочку, ему показалось, что время остановилось. Он лихорадочно пытался найти в ней что-то знакомое. Серилия рассмеялась, увидев проходившего мимо клоуна в ярко-оранжевых штанах.

Странное ощущение исчезло.

– Серилия хотела познакомиться с кем-нибудь из акробатов, – сказал дядя. – Ей хочется научиться ездить на лошади стоя.

– Какая ты храбрая, – похвалил девочку Куин. – Надия поделилась с тобой своими секретами?

Девочка кивнула.

– Смоль, – сказала она, взглянув на Чесли, как бы обращаясь к нему за помощью. И только сейчас Куин понял, что английский не родной язык девочки. – Надия мажет... как вы это скажете, милорд? – продолжала она. – Сок деревьев, которым мажут ноги?

– Смола, – подсказал лорд Чесли. – Насколько я понимаю, они натирают подошвы ног чем-то вроде сосновой смолы.

Девочка наморщила носик и рассмеялась. Куин тоже невольно рассмеялся. Действительно интересный ребенок, несмотря на то что была совсем маленькой девочкой. Куин не разбирался в таких делах, но думал, что девочке, должно быть, лет семь или восемь. Ее густые прямые волосы нельзя было назвать ни белокурыми, ни каштановыми, они имели оттенок блестящей бронзы, и девочка была одета с таким изяществом, что становилось ясно, что она не простая английская мисс.

Но ребенок не имел к нему никакого отношения, а он забыл о своих обязанностях.

– Я вынужден попрощаться с вами, – Куин кивнул обоим. – У меня поручение от одной важной леди.

– Не сомневаюсь, – насмешливо заметил дядя, – и не могу представить, кто это может быть.

– Нет, не можете, – натянуто улыбнулся Куин.

– А, ну так наслаждайся представлением, мой мальчик! – сказал, уходя, Чесли и, взяв девочку за руку, повел ее по коридору.

Куин поднял руку, но ничего не сказал. Он не мог объяснить, почему все еще находился под впечатлением от встречи с девочкой. Неожиданно она обернулась.

– *Riacece*, милорд Уинвуд, – сказала она, подняв руку, прощаясь с ним. – *Addio!*

«*Riacece*». Куин пытался сообразить. «Удовольствие».

И он все понял.

Как же он не догадался сразу? Черт бы побрал его дядю! Девочка была дочерью графа Джанпьеро Бергонци ди Виченцы. Дочерью Вивианы.

Куин с трудом сдержался, чтобы не окликнуть ее. Он хотел взглянуть на девочку еще раз, чтобы убедиться, что не ошибся.

Вот она взглянула на Чесли и улыбнулась. Да, так выглядела Вивиана. Более бледной. Более спокойной. И такой молодой. И все же это была она. Куин был убежден, что это Вивиану

он видел на Пиккадилли. С ее знаменитым отцом, синьором Алессандри. Зачем еще она могла вернуться? Она давно получила от Англии все, чего хотела, а Чесли боготворил Алессандри так, как только покровитель искусств может боготворить создателя того, ради чего он живет. Безгранично. Чесли считал, что Алессандри никогда не написал ни одной фальшивой ноты. И в исполнении Вивианы никогда не звучала фальшивая нота.

Когда Чесли привез ее в Лондон, о ней никто и не слышал. Как дядя сказал Куину, он сделал это ради ее отца. Вивиану послали в Лондон, чтобы прославиться, и Чесли добился этого. Уже через год она пела в театре его величества, за несколько месяцев перейдя на главные роли. Старшее поколение труппы было поражено ее талантом. Некоторые даже завидовали. Высший свет бросал розы к ее ногам.

Но Куин познакомился с Вивианой еще до периода зависти и роз. Да, до того как она стала знаменитой, она принадлежала ему, по крайней мере он так думал. Конечно, она была еще и дочерью прославленного Алессандри. И была неописуемо красива. Но никто, и меньше всего Куин, не догадывался о поклонении, которое вскоре ожидало ее.

Когда Вивиана закончила петь в Лондоне и порвала с Куином, она бросила все и уехала так же неожиданно, как и появилась. Она бросила его, даже не попрощавшись, и вернулась в Италию к другой обожавшей ее публике и блестящему замужеству, давшему ей респектабельность, которой оперной певице, даже самой знаменитой, было нелегко добиться.

Девочка и Чесли исчезли из виду. Куин стоял в коридоре Амфитеатра Этли и не мог думать ни о ком другом, кроме Вивианы. Она хотела только двух вещей: славы и благородного мужа.

Кажется, ее отец обеспечил ее и тем и другим. В мае она еще была в постели Куина, а в июне – уже в постели могущественного графа Бергонци. Вскоре коллеги Вивианы шептались о том, что целью ее возвращения в Италию было убедить Бергонци жениться на ней. Богатый и влиятельный граф многие годы был покровителем ее отца.

Вивиана должна была хорошо его знать. Возможно, она давно была влюблена в него. Возможно, они были любовниками. Возможно, каждый раз, когда она плакала в объятиях Куина, она думала о Бергонци. Куин повернулся и зашагал по коридору.

Ему было безразлично, насколько респектабельной теперь стала Вивиана. И уж конечно, ему было совершенно безразлично, какой хорошенькой была ее дочь. О чем ему следовало беспокоиться, так это о том, где можно усадить леди Таттон, чтобы она была довольна. Из зала уже доносилась музыка, звуки веселой, зажигательной увертюры. Куин прогнал из головы все мысли о Вивиане Алессандри и отправился исполнять обязанности почтительного жениха.

Глава 3, в которой устами леди Элис говорит разум

Кортеж, который спустя несколько дней отправился в имение графа Чесли в Бакингемшире, производил впечатление. Чесли и его новый кандидат в святые в области симфонической музыки, лорд Диглби Бересфорд, ехали в первой карете. Бересфорд был композитором, обладавшим немалыми достоинствами, но за пределами Лондона и Парижа его мало кто знал. Его наброски будущего либретто, как заявлял Чесли, выглядели многообещающими.

Во второй карете ехала Вивиана с отцом, а дети, их няня и гувернантка следовали в третьей. В четвертой помещались камердинеры джентльменов и горничная Вивианы. Далее двигались две телеги с багажом, на одну из которых по просьбе детей поместили дикого кабана лорда Чесли. Замыкал вереницу фургон с мягкой обивкой внутри, в котором везли арфу и скрипку Вивианы, а также пианино ее отца и его коллекцию струнных инструментов. Отец скорее покинул бы Венецию без чулок и панталон, чем оставил там свои музыкальные инструменты.

Путешествие было недолгим. Погода испортилась, и, завернувшись плотнее в черную бархатную накидку, Вивиана смотрела в окно кареты на голые деревья и безжизненные пастбища Англии, которую она плохо помнила. Не сделала ли она ошибку, вернувшись сюда? Душевные потрясения были ей ни к чему.

Но был ли выбор? Отпустить отца так далеко одного? Лорд Чесли был хорошим другом им обоим. Он попросил об услуге, очень незначительной услуге, и отец Вивианы откликнулся с небывалым энтузиазмом. Великий синьор Алессандри вновь обрел смысл и цель жизни. Лорда Диглби Бересфорда.

Чесли выделял Бересфорда среди других как артиста, достойного его благодарений. И когда Бересфорд признался, что хочет написать оперу, Чесли попросил отца Вивианы помочь ему. К сожалению, у Бересфорда было два недостатка: плохо знал классическую оперу и был англичанином. Но Алессандри знал сочинения Бересфорда и верил, что стоит им заняться. А Вивиана верила, что это продлит отцу жизнь. И поэтому она уложила в дорожные сундуки свои вещи, взяла детей, всю свою жизнь, какой бы она ни была, и отправилась в далекое путешествие в те места, о которых ей не хотелось вспоминать.

К концу дня Вивиана стала замечать дорожные знаки, указывающие путь в деревушку под названием «Арлингтон-Грин». Отец спал, слегка покачиваясь в такт движению кареты. Вивиана откинулась на спинку сиденья и впервые после их остановки в Саутгемптоне почувствовала, что начинает расслабляться. Она с облегчением оставила Лондон, потому что боялась... встретиться там с ним.

Да, она, научившаяся ничего не бояться, боялась снова увидеть Куина Хьюитта. Но она не увидела его. Правда, она почти не покидала дома Чесли. Что касается Куина, то, насколько Вивиане было известно, он давно переехал в деревню. Или умер. Или женился. Или то и другое вместе.

Нет, если бы Куин умер, она бы почувствовала это. Между ними существовала какая-то связь; Вивиана боялась, что даже могила не разорвет ее. Вероятнее всего, Куин уже женат на своей бледной белокурой английской мисс. Вот и хорошо. Она желала ему счастья. Честно говоря, Вивиана мало в чем обвиняла Куина. Он ни разу не солгал ей, был беспощадно честен. О, как она любила его!

Вивиана познакомилась с Куином через лорда Чесли. Она провела свои первые две недели в Лондоне, когда на прием в честь какого-то французского дирижера, имя которого Вивиана давно забыла, его дядя пришел в сопровождении Куина. Чесли, как он тихо объяснил ей, пытался придать лоск манерам мальчика, поскольку Куин большую часть своей жизни

провел в уединении в деревне под надзором властного отца. И Куин наслаждался роскошью и излишествами Лондона впервые в жизни. Ему исполнилось всего девятнадцать лет.

Вивиана была слишком занята усилиями выжить в этой роскоши и излишествах Лондона, чтобы обратить особое внимание на племянника Чесли, каким бы красивым он ни был. Оказавшись одна в Лондоне, она пребывала в растерянности, потому что впервые проделала путь из Венеции сюда без надежной защиты своего отца. Она все силы прилагала к тому, чтобы играть роль обходительной европейской женщины и каждую свободную минуту отдавать работе.

Но Куин встал на ее дороге и упорно преследовал ее. Вивиана была старше его на три года по возрасту и по крайней мере на десять лет по знанию жизни. Сначала ее немного забавляли ухаживания такого молодого и такого неопытного юноши. Но Куин проявлял настойчивость, преследуя ее. И она не могла сказать, что ее не влекло к нему. О нет. Она хотела его так сильно, что это пугало ее.

Только мысль о позоре, который она навлечет на отца, и о тех жертвах, которые он принес ради нее, останавливала Вивиану. Но потом это уже не имело значения. Куин Хьюитт получил то, что хотел. И может быть, то, что хотела сама Вивиана. Она не знала. Прошло три года, а она все еще не знала. Возможно, это чего-то и стоило. Возможно, несколько минут истинного счастья – это все, что можно надеяться получить на этой земле.

Глубоко вздохнув, Вивиана снова посмотрела в окно и решила думать о чем-то другом. О том, что было для нее важно. Куин Хьюитт не имел к этому отношения. Какие бы чувства она ни испытывала к нему, они угасли с годами. Вивиана уже была другой. Она изменилась, от прежней Вивианы ничего не осталось. Она достигла удивительного успеха в своей карьере, вышла замуж и родила троих детей. Пережила страшное потрясение, выжила, стала еще сильнее, и в ней произошли необратимые изменения, которые никто другой не смог бы понять.

Нет, об этом она тоже не будет думать. Она будет думать только о том, что имеет значение сейчас. О детях. Об отце. О своей музыке.

Наконец они добрались до странной деревушки Арлингтон-Грин. Красные лавочки и дома, построенные из мягкого старого камня, располагались очень близко к дороге. В центре деревни стояла приземистая церковь с колокольной, а напротив на рыночной площади – старинный каменный крест. Впереди Вивиана увидела широкие величественные ворота, сделанные из мрамора, и примыкающую к ним большую сторожку. Она ожидала, что они направятся туда, но их кареты не замедлили хода. Наоборот, главный кучер хлестнул лошадей, и они проехали еще четверть мили от деревни.

Значит, лорд Чесли не был единственным богатым дворянином в этих краях. Вивиана, подумав, не удивилась. Хилл-Корт не был родовым именем Чесли, а скорее просто местом, где его семья с давних пор любила проводить зиму, предпочитая его их великолепному имению, расположенному севернее. Оказалось, что дом Чесли находится вблизи дороги, и через несколько минут кареты и телеги уже разворачивались на подъездной дороге. Из небольшого дома высыпали слуги, возглавляемые одетым в черное дворецким, весьма внушительной персоной, которому можно было дать не меньше ста лет. Слуги приготовились разгружать вещи. С верхней ступени наблюдала за всем высокая худая женщина – судя по платью, экономка.

Дворецкого представили как Бэшема, экономку – как миссис Дуглас. Как только гости вошли, Бэшем объявил, что обед будет подан в половине восьмого. Лорд Чесли и миссис Дуглас занялись обсуждением того, как разместить приехавших. Вивиана посмотрела на отцовского слугу, взглядом давая ему понять, что старика необходимо немедленно отвести отдохнуть, и отца быстро увлекли наверх.

Мисс Хевнер, гувернантка, попросила прежде всего показать ей старую классную комнату на верхнем этаже. Вивиана вскоре последовала за ней. Она вместе с детьми и их престарелой няней, синьорой Росси, уже была на середине лестницы, когда Чесли окликнул ее. Вивиана оперлась на перила и оглянулась.

– Бэшем говорит, что моя сестра послезавтра устраивает обед, – со скорбным видом сообщил граф. – Родственники и соседи. Уверен, будет чертовски скучно. Вы с Алессандри поедете, Виви? Это недалеко, а сестра будет в восторге.

Вивиана неуверенно улыбнулась:

– Sì, Чесли, если вы этого желаете.

– Это сделает обед не таким невыносимым, – признался граф.

– В таком случае мы с большим удовольствием поедем с вами.

Чесли радостно улыбнулся:

– Мы не останемся надолго, Виви. Обещаю.

Спустя несколько дней после его странного посещения Амфитеатра Этли Куин в своем кабинете в Арлингтон-парке просматривал скучные отчеты, которые Генри Херндон, управляющий его имением, разложил перед ним. Куин не имел особого желания заниматься этим. Он предпочитал Лондон своему имению, но все же приехал выполнить свой долг. И если уж ему пришлось приехать в Бакингемшир, то он предпочитал проводить время в Эйлесбери, где его не так хорошо знали.

Предыдущую ночь Куин провел весьма приятно в «Квинс Хед», где игра в карты была честной, а молодые служанки – не очень. Вид из пивного бара открывался отличный: белая грудь в вырезе платья и покачивание бедер – тут было на что посмотреть, и Куин собирался этим вечером снова заглянуть туда. Пока он не был женатым, у него оставалось еще несколько месяцев свободы. Вероятно, ему следует воспользоваться ею, а в Арлингтоне это труднее сделать.

Беда заключалась в том, думал Куин, оглядывая деревянные панели своего кабинета, что Арлингтон воспринимался им как что-то принадлежащее его отцу. В юности Куин мечтал увидеть мир за пределами Бакингемшира или хотя бы уехать в какую-нибудь школу. А отец назначил ему в учителя скучного викария и позволял изредка ездить вместе с матерью и Элис в Лондон за покупками. Куин чувствовал себя в Арлингтоне почти как в тюрьме, пока Чесли не спас его. Теперь он чувствовал себя совсем как узурпатор, захвативший трон.

Хорошо, что по крайней мере Генри Херндон по-прежнему вел все дела. Он служил семье Куина около пятнадцати лет. Под его управлением имение более или менее приносило доход, а деревня и ее окрестности процветали. Куин как раз включал в памятку значительное повышение к новому году жалованья Генри, когда в дверь тихо постучали.

– Войдите! – крикнул он.

В дверь просунула голову Элис – сестра Куина. На ней была темно-синяя амазонка, в тон ее глазам.

– Я собираюсь прокатиться до деревни, – сказала Элис. Цвет лица такой свежий, как будто она нарумянила щеки. – Хочу посмотреть на новую мукомольную мельницу мистера Херндона. Хочешь поехать?

У Куина было намерение взглянуть на новую мельницу. И он, улыбувшись, встал и вышел из-за стола.

– Прекрасная мысль, Элис, – сказал Куин и поцеловал сестру в щеку. – Кроме того, я рад любому поводу сбежать из этого кабинета.

Элис лукаво взглянула на брата:

– Миссис Прейтер на птичьем дворе сворачивает шеи несчастным цыплятам. Полагаю, они будут присутствовать завтра на обеде по случаю твоей помолвки. Думаю, ты мог бы пойти и помочь, если уж дошел до такой крайности.

Куин поморщился:

– Да за это мне следовало бы связать твои косы!

Страх Куина перед курами был в Арлингтон-парке постоянным поводом для шуток, и Элис этого никогда не забывала. В детстве Куин был чрезвычайно любопытным мальчиком. Как-то он пробрался в курятник, где на него напал воинственный петух. Куин, в котором души не чаяла миссис Прейтер, с воплями бросился к кухарке, а та тотчас же выбежала во двор, свернула петуху шею, а затем подала его на ужин.

Глаза Элис весело заискрились.

– Вот уже лет десять, Куин, я не ношу косы? Тебе пришлось бы придумать другое наказание.

Куин взял сестру под руку и помог ей спуститься со ступеней, которые вели в главный коридор.

– Ты сегодня так хорошо выглядишь, Элли, – тихо заметил он. – Ты поправилась немного, не так ли?

– Нет, я всего лишь отказалась от траура, – ответила Элис. – Во вдовьем наряде выглядишь тощей, правда?

Траур леди Элис Мелвилл окончился всего лишь пару месяцев назад. После девяти лет брака ее муж неожиданно скончался, оставив Элис одну с тремя детьми, тяжелым сердцем и большим состоянием. Их брак был устроен родителями, Элис не хотела выходить замуж, но тем не менее сделала все, чтобы он оказался удачным. Куин не думал, что Элис любила мужа в романтическом смысле этого слова, но она уважала его. И конечно, оплакивала.

В большом холле Куин оставил Элис на несколько минут, чтобы переодеться в бриджи и сапоги. Они почти не разговаривали, пока седлали их лошадей и пока не отъехали от дома на достаточное расстояние.

Они выбрали живописную дорогу, которая вела в деревню параллельно подъездной дороге. Ярко светило солнце, но воздух был холодным. Порывы ветра вырывали пряди волос из аккуратной прически Элис.

– Вчера ночью ты не вернулся домой, Куин? – после долгого молчания наконец произнесла она.

Куин искоса взглянул на сестру:

– Нет. Ну и что?

– Мама заметила это, вот и все, – пожала плечами Элис и снова замолчала.

– О господи! – не выдержал Куин. – Продолжай, Элис. И что?

– Но я просто подумала... – заметила Элис. – Иногда я думаю, Куин, готов ли ты к женитьбе.

– Нет, не готов, – ответил Куин с едва сдерживаемым раздражением. – И я не женат, не так ли? Надеюсь, мне не надо напоминать об этом факте маме. Слишком много требовать от человека, чтобы отчитывался и перед женой, и перед матерью, когда он уже не ребенок и еще не муж.

В молчании они проехали около полумили.

– Мне действительно нравится твоя мисс Гамильтон, Куин, – наконец сказала Элис. – Она красива и к тому же умна, как мне кажется.

Куин пытался понять, чего добивается сестра.

– Да, ты ведь познакомилась с ней в Лондоне? – сказал он. – Я забыл, что ты была в городе.

– Да, коротко. – Элис направила свою лошадь вокруг лужи, оставленной вчерашней грозой. – У меня были дела с поверенными Джона. И конечно, мама сочла это удобным случаем познакомить меня с мисс Гамильтон. Как я понимаю, она смотрит на эту молодую леди как на удачную находку.

Куин расхохотался так громко, что его лошадь возмущенно затрясла головой.

– Торжество надежды над разумом, – проговорил он. – Но не спорю, мисс Гамильтон очень милая молодая леди.

Элис искоса взглянула на брата.

– Но любишь ли ты ее, Куин? – спросила она.

Куин улыбнулся:

– Она мне нравится, Элли. Действительно нравится. И мы с ней поладим.

Элис вдруг остановила лошадь, затем подъехала к Куину:

– Не позволяй матери вынудить тебя совершить ошибку. Ты не должен жениться, если не готов к этому. И уж конечно, ты не должен жениться на той, которую не любишь. О, я умоляю тебя, дорогой мой, выслушать меня. В этом хотя бы мой опыт богаче, чем твой.

Очевидно, у Куина был такой изумленный вид, что Элис мгновенно покраснела.

– Мама не заставляет меня, Элис, если ты этого боишься. Отца уже нет, и мне пора жениться. Я это понимаю. И у мамы нет необходимости подталкивать меня.

Элис болезненно поморщилась:

– Но почему сейчас? Почему мисс Гамильтон, если ты не любишь ее? Почему ты не можешь подождать несколько месяцев и оглядеться? Может быть, ты еще влюбишься, Куин.

Куин посмотрел на сестру и тронул лошадь.

– Я хочу того, что было у тебя, Элис. Хочу брака с близким мне по духу человеком. С тем, кого я могу уважать.

– Значит, тебя не переубедить, – с грустью констатировала Элис. – И мне нечего тебе сказать.

Куин покачал головой: о чем, черт побери, думает сестра? Мать намекала, что мисс Гамильтон будет ему, Куину, достойной женой, это так. Но он сам ухватился за эту мысль. Объявление о предстоящей помолвке уже было напечатано в половине выходящих в Королевстве газет, а последующие скабрзные заметки – во всех скандальных листках. Около сорока друзей, родственников и соседей съедутся завтра вечером на обед по случаю его помолвки. Отступить теперь было некуда.

К радости Куина, Элис переключилась на другую тему.

– Тетя Шарлотта переехала в дом из сторожки на несколько дней, – с притворным оживлением сообщила она. – Мама считает, что ей доставит удовольствие побывать в центре событий.

Куин чувствовал себя букашкой, которую рассматривают в лупу.

– Уверен, так и будет, – сказал он.

Тетя Шарлотта, сестра дедушки Куина, была любопытной, беспокойной, довольно бесцеремонной старой леди, которой Куин, однако, восхищался из-за ее жизненной хваткости.

– Мама снова беспокоится о тете Шарлотте, – продолжала Элис. – Кажется, она видит в ней своего рода живую связь с папá. Я очень надеюсь, она проживет хорошую долгую жизнь.

– Бог с тобой, Элис, ей уже девяносто! – воскликнул Куин. – Она уже прожила хорошую длинную жизнь. А может, две или три, это как считать.

Они подъезжали к сторожке у ворот. Элис выразительно взглянула на брата:

– Мама сейчас не переживет еще одной потери. Но ты прав. Тетя Шарлотта не становится моложе. Ты знаешь, у нее слабое сердце.

– Вполне возможно, что она переживет нас всех, – тихо проворчал Куин, а затем, уже громче, заметил: – Посмотри, Элис, какая эта штука большая!

Куин указал на возвышавшуюся за деревней крышу новой мельницы, стоявшей у реки.

Элис с удивлением посмотрела на брата:

– Разве ты не заметил ее, когда приехал?

Куин не заметил. Очевидно, его мысли были где-то далеко.

Вскоре они сошли с лошадей у пруда, на котором Херндон установил плотину. Водяное колесо вращалось с большой скоростью, издавая ритмичные звуки. Большая мельница предназначалась не только для обслуживания имения, но и деревни, которая тоже принадлежала

графскому роду Уинвуд, и любого живущего в окрестностях, кто желал пользоваться ею. Но за небольшую плату, конечно.

Таким образом, подсчитал Херндон, мельница окупит себя уже за пять лет.

За плотниками, которые заканчивали устанавливать петли для двойных дверей, достаточно широких, чтобы через них в мельницу могла целиком въехать телега, наблюдал Херндон. Увидев Куина, он направился вверх по склону к нему, однако, заметив Элис, вдруг как-то изменился. Лицо управляющего, обычно выражавшее деловую озабоченность, заметно смягчилось.

– Леди Элис. Уинвуд. – Херндон поклонился. – Приехали осмотреть новую мельницу?

– Именно так, – ответил Куин.

Все трое спустились с холма и вошли в сумрачную глубину мельницы. Внутри воздух был пропитан пылью, деревянный пол, посыпанный песком, сотрясался от работы вращающихся жерновов.

Осмотр мельницы был недолгим. Когда они вышли наружу, где было светло, Элис взглянула на свою юбку и испуганно воскликнула:

– О, посмотрите! Боже, как я перепачкалась!

К удивлению Куина, Херндон вынул из кармана белоснежный накрахмаленный носовой платок и, опустившись на колени, стал стряхивать мельничную пыль с подола платья. Куин только теперь обратил внимание на то, как прекрасно выглядел Херндон, несмотря на несколько холодное выражение глаз и неизменную серьезность. Когда Элис была еще девочкой, он относился к ней с особой любовью, однако после ее замужества виделся с ней редко.

Куин тоже нечасто видел сестру, обычно только по праздникам. Джон, ее муж, не жаловал лондонское общество и откровенно недолюбливал Куина. Время от времени, однако, у Куина возникала мысль написать сестре, однако он убеждал себя, что в его жизни мало чего такого, что леди желала бы узнать о нем. Теперь он жалел об этом. У Куина сложилось впечатление, что его сестра чувствовала себя одинокой в замужестве.

Херндон поднялся и спрятал платок в карман. Куин и раньше удивлялся, почему человек с таким положением, как их управляющий, не был женат. Неподалеку от деревни он имел прекрасный дом, он был третьим или четвертым, а может быть, и пятым сыном оксфордширского баронета, учился в университете, достиг устойчивого положения в деловом мире. Сейчас Херндону, должно быть, не меньше сорока, а смотрел ли он когда-нибудь на женщину?

– Вы долго собираетесь пробыть в Арлингтоне, леди Элис? – спросил управляющий.

Элис смущенно взглянула на брата:

– Мы думаем... я имею в виду детей и себя, остаться на Новый год. Хотя меня еще не пригласили.

– Не говори глупостей, Элис, – вмешался Куин. – Арлингтон – твой дом и всегда им будет. Если ты намерена ждать приглашения, то наверняка успеешь умереть от старости.

– И это была бы такая потеря, – добавил Херндон.

Один из плотников Херндона подвел к ним их лошадей.

– Здравствуйте, милорд, – сказал он, передавая поводья Куину. – Случайно видел, как красивая карета только что повернула к парку.

– Спасибо, Эдвардс, – улыбнулась Элис. – Это, должно быть, мисс Гамильтон со своей тетей. Поспеши, Куин. Мы быстрее доедем короткой дорогой через лес.

Херндон помог Элис сесть в седло.

– Поздравляю вас с предстоящим браком, Уинвуд, – сказал он. – Мне следовало сказать это раньше.

– Спасибо, Херндон, – поблагодарил Куин, в задумчивости постукивая по голенищу сапога хлыстом. – Вы будете присутствовать завтра на праздничном обеде, не правда ли?

– Но я думал... мельница еще не совсем... – неуверенно проговорил управляющий.

– Будет уже темно, Херндон, – с раздражением заметил Куин. – И я буду весьма обижен, если вы не удостоите мою помолвку своим присутствием.

Глаза Херндона, казалось, приобрели еще более суровое выражение.

– В таком случае не откажусь от приглашения ни за что на свете, милорд.

– Отлично. – Куин ловко вскочил на лошадь. – Желаю всем удачного дня.

Глава 4. Сэр Аласдэр спасает положение

На следующий день вечером первым на обед к своей сестре прибыл лорд Чесли в сопровождении гостивших в его доме друзей. Они приехали так рано, что сестра Чесли еще не успела спуститься вниз. Вместо нее гостей встречала красивая молодая леди. Она с нежностью поцеловала Чесли и представилась Вивиане и синьору Алессандри как леди Элис Мелвилл, племянница Чесли. Леди Элис была стройной высокой брюнеткой, лет тридцати с небольшим. Но ее глаза казались намного старше. Вивиана поняла, что перед ней женщина, испытывавшая и радость, и горе, и сразу же почувствовала к ней симпатию.

После обмена любезностями Чесли и лорд Диглби отправились на кухню к миссис Прейтер, чтобы удостовериться, что она приготовила своего знаменитого омара под соусом карри.

– Как мило с вашей стороны приехать на наш маленький семейный праздник, – проговорила леди Элис и взяла Вивиану под руку, как будто они были близкими подругами. – А вы оба давно в Англии? – спросила она, обращаясь к отцу Вивианы.

– Мы приехали как раз... а, как это сказать?.. sì, ночью после, – сконфуженно ответил синьор Алессандри.

– Прошлой ночью, папа, – мягко поправила его Вивиана.

– Sì, ночью после прошлой, – согласился синьор Алессандри. – Мы приехали, моя дочь и я, с ее bambini в porto Саутгемптон. Это мой первый раз, леди Элис, посмотреть вашу прекрасную страну.

Элис провела гостей в элегантную гостиную. Начищенное серебро и тонкий хрусталь ярко сияли в свете канделябров, их блеск отражался в высоких, до потолка, зеркалах, установленных между богато задрапированными окнами. «Не слишком ли торжественно для простого обеда с соседями?» – подумала Вивиана и с опаской взяла бокал вина, который леди Элис вложила ей в руку.

– Насколько я понимаю, вы хорошо знаете моего дядю, – обратилась леди Элис к отцу Вивианы. – И, я знаю, он восхищен вашими творениями, синьор.

– Мы с лордом Чесли знаем друг друга много лет, – ответил синьор Алессандри с сильным акцентом. – Он великий человек, ваш дядя. Это знает вся Европа.

Леди Элис улыбнулась еще шире.

– А вы, графиня Бергонци? Вам нравится в Англии?

Вивианой начинало овладевать беспокойство. Все выглядело так торжественно, так элегантно. Неожиданно у нее возникло предчувствие, что она совершила страшную ошибку. Она начала это подозревать почти сразу же после того, как получила приглашение. «Сестра Чесли! – молнией сверкнуло у Вивианы в голове. – Но у Чесли много сестер, – успокоила она себя. – Говорили, шесть или семь. И каковы шансы, что...»

– Графиня? – словно откуда-то издали донесся до Вивианы голос леди Элис Мелвилл. – Вам нехорошо?

– Scusi? – Вивиана резко подняла голову. – О, как я невежлива! Но эти фрески на стенах гостиной и позолота на потолке... по-моему, более изящного рисунка я никогда не видела.

Леди Элис сияла от удовольствия.

– Тогда вам повезло, – ответила она. – Архитектор, который создал его, друг моего брата Меррик Маклахлан. Он будет здесь сегодня, и вы сможете сказать это ему самому.

– Друг? – повторила Вивиана. – Вашего брата?

Леди Элис взяла бокал вина с подноса, который проносил мимо лакей.

– Да, но у мистера Маклахлана ужасный характер, как и у большинства людей искусства, коне... – Элис осеклась и, смутившись, покраснела. – О, прошу прощения!

Вивиана выдавила вежливую улыбку.

В это время вернулся лорд Чесли в сопровождении четырех мужчин в темной одежде. Каждый из них нес струнный инструмент.

– Гвен наняла квартет! – сообщил он. – Послушайте, Алессандри! Мы должны помочь им разместиться.

Отец Вивианы приободрился от того, что предложенное ему занятие не требовало знания английского языка. Трое джентльменов были заняты делом в дальнем конце комнаты, когда туда вошла маленькая, но бодрая старушка. Вивиана слышала, как прибывали новые гости и их веселые голоса звучали на парадной лестнице. Ее тревога становилась все сильнее.

– Элис, моя дорогая, – проговорила старая леди, подставляя щеку для поцелуя, – как я рада видеть тебя снова в приличном платье, а не этом ужасном трауре! Ты чудесно выглядишь.

– Спасибо, тетя Шарлотта.

Элис быстро представила женщин друг другу. Вивиана обменялась со старой леди несколькими любезностями, затем старушка заметила в глубине комнаты лорда Чесли с джентльменами и отбыла в их направлении.

– Прошу прощения, леди Элис, могу я предположить, что вы недавно овдовели? – спросила как можно деликатнее Вивиана.

Лицо леди Элис мгновенно страдальчески исказилось.

– Я... да, чуть больше года назад. Это случилось неожиданно.

– Мои соболезнования, – с чувством проговорила Вивиана. – Я знаю, что вы пережили. Я тоже вдова.

Элис слабо улыбнулась:

– Это тяжело из-за детей. Мои еще совсем маленькие. Они не понимают, почему у них отняли их дорогого папа.

Вивиана могла бы возразить, что ее детям не стало от этого хуже, особенно Серилии, но промолчала и лишь слегка коснулась руки леди Элис.

– Но дети очень быстро оправляются. Я это знаю по собственному опыту. У меня их трое, и все они прекрасно себя чувствуют.

– У вас тоже трое! – воскликнула Элис. – Сколько лет вашим детям, графиня?

– Моим дочерям восемь и шесть, – ответила Вивиана. – А мальчику скоро четыре. Возможно, вы знаете, что я хочу сказать?

Леди Элис обрадованно кивнула:

– Они почти того же возраста, что и мои. Нам обязательно надо встречаться.

– Я бы очень этого хотела, – искренне ответила Вивиана.

– Мои дети будут рады поиграть с новыми друзьями, которые живут рядом.

– Да, совсем близко. Вы долго пробудете здесь? – спросила Вивиана.

– Шесть или семь недель, полагаю. И мы не только живем неподалеку, но еще есть более короткая дорога через лес. И есть верховая тропинка, которую легко заметить и по которой мы все ездим в Хилл-Корт и обратно. Говорят, мои родители проложили на ней колею, пока бегали друг к другу на свидания.

Квартет настраивал инструменты, всюду мелькали одетые в черное лакеи. Около двух десятков гостей прошли в гостиную. Они обменивались дружескими рукопожатиями и поцелуями. Здесь все знали друг друга, и только Вивиана чувствовала себя чужой. Вскоре, однако, она заметила, что Чесли направляется к ней.

– Моя дорогая, ты просто должна пойти со мной, – сказал он, положив руку Вивиане на плечо. – Виолончелист играет Гваданьини!

– В самом деле?

– Да. Можешь в это поверить? Здесь, в такой глуши.

Вивиана улыбнулась своей новой знакомой:

– Piacere, леди Элис! Вы должны навестить нас в Хилл-Корте.

– Значит, завтра? – предложила Элис, заметно оживившись. – Или это слишком скоро? Вивиана вопросительно взглянула на Чесли.

– Мой дом – твой дом, Элис, – поспешно проговорил он. – Можешь жить в нем, если захочешь.

Элис рассмеялась:

– Но вы забираете самого интересного человека в этой комнате, дядя!

Чесли перевел взгляд на дверь и тихо произнес:

– О, я думаю, не сегодня, моя дорогая. Кажется, прибыла наша почетная гостья.

– Почетная гостья? – удивилась Вивиана. Она не подозревала о существовании такой.

Чесли посмотрел на молодую леди в серебристо-сером шелковом платье, которая вошла в комнату и в нерешительности остановилась. Она была худенькой, выглядела тщедушной, но вместе с тем элегантной. Ее светло-каштановые волосы, уложенные в искусную прическу, украшала нитка жемчуга. Такое же ожерелье охватывало ее шею. Девушка была очень мила. Идеальная английская мисс.

– Посмотрите на сокровище, которое так долго искала мама, – шепотом проговорила Элис. – Мисс Эсме Гамильтон. Будущая невеста Куина.

– Она к тому же богата? – тихо заметил Чесли.

– Племянница леди Таттон.

Слова медленно проникали в сознание Вивианы. Куин. Невеста. О боже! У Вивианы едва не подкосились ноги.

– Ну, она довольно хорошенькая, могу согласиться, но совершенно не в его вкусе, – проворчал Чесли.

Элис засмеялась:

– Да перестаньте, дядя Чес! Вы человек широких взглядов, не правда ли? Мужчины могут проводить время с женщинами одного сорта, но женятся совсем на других.

Вивиана почувствовала, что все внутри ее дрожит от гнева, но не Элис возмутила ее.

– О, полагаю, что так, – продолжал Чесли. – Между прочим, Виви, ты ведь помнишь Куина? Моего племянника Куина Хьюитта? Когда-то он питал к тебе слабость, как мне помнится.

– Куина Хьюитта? – Вивиана изобразила на лице некоторое недоумение. – Я... да, я хорошо его помню.

Элис с любопытством посмотрела на нее:

– Куин был в вас влюблен?

Чесли разразился хохотом:

– Это он так думал! Некоторое время я боялся, что мне придется взять щенка за шкуру и отправить его обратно домой, к папá. Но Виви относилась к нему с пренебрежением, и Куин в конце концов начал искать развлечения в городе.

– Да, и близко с ними познакомился! – сухо заметила Элис.

– Да уж, – криво усмехнулся Чесли. – Всегда надежное средство для скучающих модников, а?

Он подмигнул Элис, но она не удостоила его взглядом и с непроницаемым видом продолжала пристально смотреть на Вивиану.

– Вы и мой распутный брат! Как романтично и интригующе это звучит, графиня.

– Не было ни того ни другого, – ответила Вивиана. – Лишь глупость. Я была оперной певицей, леди Элис. Вы понимаете, что это значит?

– Ну, я предполагаю, это значит, что вы хорошо пели, – ответила с едва заметной улыбкой Элис. – Во всяком случае, Куин теперь лорд Уинвуд, и мама очень хочет женить его. Насколько я знаю, это она выбрала мисс Гамильтон.

– Да конечно же, она! – с раздражением подтвердил Чесли.

– Куин клянется, что не она.

– Куин и на милую бы не подошел к священнику, если бы ему не приставили пистолет к затылку, – горячо возразил граф. – А теперь пойдем, Виви, пойдем. Ты обязательно должна видеть эту виолончель. Это трактовка Лоренцо. Не сына. Но Умберто говорит, что никогда не слышал ничего подобного.

Вивиане оставалось только одно: последовать за графом. Ей было комфортнее находиться сейчас в дальнем углу комнаты, чем в центре, и насколько возможно подальше от хорошенькой невесты Куина. Вивиана пребывала в полном смятении. Какую глупость совершила она, явившись сюда. На нее произвело ужасное впечатление известие о женитьбе Куина. Ее испугало нарастающее в груди чувство ревности. Она была готова вырвать нитку жемчуга из прически мисс Гамильтон и задушить ее этой ниткой. Глупо и несправедливо. Черная зависть, самый омерзительный человеческий порок, проявилась в Вивиане в эту минуту в полной мере. И это по прошествии долгих девяти лет! Как унижительно! Вивиана машинально протянула руку виолончелисту, который, казалось, испытывал благоговейный восторг от встречи с нею. Они обменялись несколькими словами, которых Вивиана почти не слышала, затем Чесли начал расспрашивать о струнах и их натяжении. Вивиана, которую не покидала внутренняя дрожь, повернулась, чтобы поставить свой бокал на столик. И в этот момент она краем глаза увидела его.

Куин. О боже! Вивиане следовало бы отвернуться, но она не смогла. Ее сердце бешено забилося. Ей показалось, что в комнате нечем дышать и что все смотрят на нее. Однако она не видела никого, кроме Куина.

Он уже не был тем красивым мальчиком, каким его помнила Вивиана. О нет. Он стал мужчиной и выглядел суровым, сдержанным.

Подойдя к молодой леди, стоявшей у входа, своей невесте, Куин улыбнулся. Она подняла на него благодарный взгляд и оперлась на предложенную им руку. В ответ Куин покровительственно положил ладонь на ее руку – галантный и естественный жест.

Она ему нравилась. Это было очевидно. Вивиана проглотила ком в горле и почувствовала, как горячие слезы обиды подступают к ее глазам. «Мужчины могут проводить время с женщинами одного сорта, а женятся совсем на других», – вспомнились ей слова леди Элис.

О, можно было не сомневаться: эта девушка принадлежала к другому сорту. Большого различия между нею и Вивианой трудно было представить.

Куин с невестой пробирались сквозь толпу гостей. Он знакомил Эсме со своими друзьями и членами семьи и при этом счастливо улыбался. Боже, все зависело лишь от времени! На мгновение Вивиана почувствовала, что потеряет сознание. Но тут же взяла себя в руки, мысленно отругав за тупость. Видит Бог, теперь Куин для нее ничто – всего лишь еще один высокомерный наглый англичанин. За годы, прошедшие после их разрыва, она превратилась в совершенно другую женщину. Стала богатой, преуспевающей и, как ей говорили, оставалась по-прежнему прекрасной. Ей было всего лишь тридцать три года. Возможно, все самое лучшее в ее жизни еще впереди.

Эти мысли в какой-то мере придали силы, и Вивиана сделала каменное лицо, расправила плечи и выпрямилась, гордо вскинув подбородок. Теперь она с головы до ног выглядела как оперная дива, такую позу она оставляла только для самых трудных ролей. Они были не труднее этой. Она не позволит Куину увидеть ее слабость.

Вивиана сразу поняла, что он увидел ее. Взгляд Куина на мгновение вспыхнул, а затем стал холодным. Странно, но он больше не взглянул на Вивиану. Не опуская головы, она бросила на него равнодушный, слегка снисходительный взгляд.

Спокойствие Куина было нарушено. Только на одно мгновение он растерялся, затем поспешно взял за руку невесту и, сказав ей на ухо несколько слов, отвел к привлекательной

женщине средних лет, с которой Эсме приехала, затем повернулся на каблуках и вышел. Вивиана глубоко вздохнула, не заметив, как затаила дыхание.

Следующую четверть часа она провела, знакомясь с друзьями и соседями Чесли и стараясь каждому сказать что-то остроумное и приятное. Это было нетрудно. За эти годы Вивиана стала мастером светского общения и научилась с легкостью скрывать свои истинные чувства.

Вскоре Чесли слегка дотронулся до ее локтя и представил высокой художавой женщине неопределенного возраста. Вивиана сразу же догадалась, что это мать Куина. У нее были такие же темно-синие глаза, а лицом она очень походила на леди Элис.

Леди Уинвуд. Да, Уинвуд, это имя вместе с титулом должен был унаследовать Куин. Теперь Вивиана вспомнила и сделала неглубокий реверанс, хотя по правилам и положению не была обязана. Леди Уинвуд ответила ей и затем переключилась на Чесли, проявляя о нем такую заботу, будто она была его матерью, а не старшей сестрой.

Не успела мать Куина отойти, как Вивиана заметила, к своему ужасу, что к ним направляется престарелая тетка Элис, леди Шарлотта, и ведет за собой невесту Куина. Сказав несколько шуточных слов молодой женщине, Чесли взял ее под локоть и повернул лицом к Вивиане. У Вивианы снова перехватило дыхание.

– Моя дорогая, позволь представить нареченную моего племянника, мисс Гамильтон, – проговорил Чесли. – Мисс Гамильтон, это графиня Вивиана Бергонци ди Виченца.

Невеста Куина присела в реверансе:

– Это честь для меня, мадам.

– Мои поздравления с помолвкой, мисс Гамильтон, – сказала Вивиана. – Желаю вам долгих лет счастья в вашем браке.

– Благодарю вас, миледи, – ответила девушка, глядя в пол.

– Вы должны извинить нас за вторжение, ведь, очевидно, намечалось семейное торжество, – продолжала Вивиана. – Чесли этого толком не объяснил.

Мисс Гамильтон с удивлением подняла на Вивиану глаза.

– О, не будь ко мне жестока, Виви, – взмолился граф. – Я этого не выдержу. А какое это имеет значение?

Вивиана взглянула на него и холодно ответила:

– Да никакого, я думаю. Мисс Гамильтон очень любезна.

Гостей позвали к столу.

– Слава богу! – воскликнула тетя Шарлотта. – Я умираю от голода. Пойдем, девочка. Ты можешь познакомиться с остальными после обеда. Я надеюсь, что миссис Прейтер сегодня приготовила омара под карри.

Вивиана вышла следом за Чесли и другими гостями в коридор. По пути в столовую все весело болтали. Неожиданно из тени протянулась рука и схватила Вивиану за плечо. Она почувствовала, как ее втолкнули в темную нишу. Увидев устремленный на нее пылающий гневом взгляд Куина, она с вызовом вздернула подбородок.

– Мадам, как у вас хватило наглости, – ледяным тоном проговорил Куин, – явиться сюда, чтобы все испортить?

– Не будь дураком, Куинтин, – спокойно ответила Вивиана. – Сейчас же отпусти мою руку.

Куин в ответ притянул ее еще ближе к себе, ноздри у него раздувались от гнева.

– Куин, basta! – Вивиана вырвалась из его рук. – Все уходят.

– Я знаю, как найти эту проклятую столовую, Вивиана! – прохрипел Куин. – Это, черт побери, мой дом!

– Sì, caro mio, и я подозреваю, что ты никому и никогда не позволяешь забыть об этом.

Куин уперся рукой в противоположную стену и низко наклонился к Вивиане:

– Будь уверена, я не позволю тебе забыть об этом.

– О, поверь мне, Куинтин, – прошептала Вивиана, – что об одном я никогда не забывала. О твоём титуле. Твоём богатстве. Твоём неоспоримом британском превосходстве. А я, однако, сделала ошибку, забыв о твоём титуле, и, видимо, должна поплатиться за это.

Лицо Куина неприятно исказилось.

– Ты лжешь! Ты никогда ни о чем не забывала, если рассчитывала извлечь из этого пользу.

Когда до Вивианы дошел смысл сказанного Куином, она возмущенно воскликнула:

– O Dio! Ты не просто безумен! Ты отвратителен, и ты заблуждаешься. Я бы могла дважды купить и продать тебя, Куин Хьюитт. Поверь мне, у тебя нет ничего из того, что бы я хотела.

Теперь в глазах Куина пылал неподдельный гнев.

– А я хочу, миледи, повидаться с вами наедине! – прорычал он. – Завтра утром. В моем кабинете.

Вивиана подняла брови и с высокомерным презрением посмотрела на Куина:

– Veramente? По-моему, ты забыл, что я больше не подчиняюсь тебе.

– В восемь часов, – бросил Куин. – Или я сам приду к тебе, Вивиана. И не подумает ли твой драгоценный папа зачем?

Взгляд Вивианы полыхал огнем.

– Ты ублюдок, – зло прошептала она. – Ты мне угрожаешь?

– Мой кабинет на первом этаже, – продолжал Куин, делая вид, что уходит. – В задней стене дома, шестое окно слева. Воспользуйся им, Вивиана. Иначе я буду стучать в дверь Хилл-Корта до тех пор, пока не подниму с постели всех, включая почтенного Алессандри.

В эту минуту в коридоре мелькнула чья-то тень.

– Куин, старина, – раздался мужской голос. – Вы не забыли, что гости уже сидят за столом?

Вивиана встретилась взглядом с потрясающе красивым белокурым джентльменом. Он кивнул в ее сторону:

– Графиня Бергонци, полагаю? Сэр Аласдэр Маклахлан, к вашим услугам. Думаю, вам лучше взять меня под руку. Не возражаете?

Глава 5, в которой мистер Маклахлан дает хороший совет

После обеда сэр Аласдэр Маклахлан с заряженными обоими стволами находился в столовой в ожидании. Отправив Эсме с ее теткой наверх, Куин присоединился к нему. Все равно этого нельзя было избежать.

Брат Аласдэра, Меррик, налил всем троим бренди и уселся на один из потертых кожаных диванов, предвкушая увлекательное представление. Аласдэр, хмурый как грозовая туча, расхаживал взад-вперед перед камином. Воздух в комнате, словно дымом от сырой щепы, пропитывался гневом. За обедом Аласдэр то и дело бросал на Куина убийственные взгляды. И если первый в этот вечер искал ссоры, то второй был не прочь оказать ему такую услугу.

Но шотландцы были хитрецами, а Аласдэр особенно.

– Прекрасный обед, Куин, – начал он издали. – А какой тост произнесла твоя мать! Такой трогательный. По-моему, леди Таттон тоже проронила слезу.

Куин сел напротив Меррика, и они переглянулись.

– Да, мама была в ударе. Для нее это такая радость. Она так давно не чувствовала себя счастливой.

Аласдэр развернулся и подошел к окну. Слуги еще не задернули шторы, чтобы отгородиться от вечерней прохлады, и он долго стоял там, глядя в темноту и потягивая бренди.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, Куин, – наконец произнес он. – Но не Вивиану ли Алессандри ты затащил в нишу около библиотеки?

– Да, это была графиня Бергонци.

– Твоя любовница.

В словах Аласдэра не было и нотки сомнения.

Куин замялся:

– Была когда-то.

– Но, судя по выражению твоих глаз, старина, тебе очень хочется, чтобы она ею и осталась. – Аласдэр понизил голос до шепота: – Я заявляю тебе здесь и сейчас, Куин, что не потерплю этого.

– Ты не потерпишь? – с недоумением повторил Куин. – Хотел бы я знать, какое тебе до этого дело, даже если у меня дюжина любовниц.

Куин заметил, как Аласдэр весь затрясся от гнева. Черт побери, только этого не хватало! У него была властная, во все вмешивавшаяся мать, идеальная невеста, неожиданно оказавшаяся не такой уж идеальной, и бессердечная любовница, выбравшая самый неподходящий момент для возвращения в его жизнь. Неужели его, Куина, жизнь недостаточно сложна, чтобы еще и лучший друг ее усложнял? Что, черт побери, случилось с Аласдэром?

– Да поможет мне Бог, Куин, – проговорил Аласдэр, – если ты снова спутаешься с этой итальянской Иезавелью, будучи помолвленным с Эсме – или, хуже того, женатым на ней, – тогда мы с тобой как-то на холодном рассвете встретимся у Чок-Фарм. Ты меня понимаешь?

– Я только понимаю, Аласдэр, что моя женитьба не твое, черт тебя побери, дело, – ответил Куин. – Но я бы не принял эту зловонную дрянь, даже если бы она приползла ко мне на коленях, – а она, уверяю тебя, совсем не собирается этого делать.

Аласдэр со стуком отставил в сторону бокал и проговорил угрожающим тоном:

– Я выслушал тебя, лживый мерзавец. Сначала ты делал все, чтобы не замечать Эсме. Затем я слышал, как ты договаривался с графиней Бергонци о тайной встрече.

– Да, я хочу поговорить с ней, – подтвердил Куин. – Нам, и мне и ей, надо кое-что выяснить. Но это тоже, черт побери, не твое дело.

Аласдэр схватил Куина за воротник и потянул к себе, заставляя встать.

– Ты помолвлен с хорошей, благородной девушкой, – со злостью произнес он. – А сегодня ты почти не взглянул на нее. Унижал, обижал или даже просто раздражал ее, и, помоги мне Боже, я убью тебя.

– О, остынь, Аласдэр! Это уж слишком, – возмутился сидевший на диване Меррик. – Неужели я должен напоминать вам, двум ненормальным, что в этом доме полно гостей и слуг?

Куину было глубоко наплевать на своих гостей и слуг. Он только желал, чтобы Аласдэр замахнулся на него. Зачем ждать Чок-Фарм? Он испытывал такое отчаянное желание отвести душу на чем-нибудь, что ему становилось все более безразлично, кто или что это будет. Куин грубо оттолкнул Аласдэра.

– Выбирай себе секунданта, старик, – выпалил Аласдэр, ткнув пальцем в грудь.

Меррик вскочил с дивана:

– О, ради бога! Аласдэр, ты ведешь себя как невоспитанный мальчишка.

– Я такой и есть, – ответил Аласдэр, толкнув Куина обеими руками. – Я сейчас просто поставлю ему бланш, чтобы не забывал о моих недостатках!

Куин тоже толкнул Аласдэра:

– Тогда получай, ты, тупоголовый шотландец! Если тебе была нужна Эсме Гамильтон, какого черта ты не женился на ней?

Вот тут в Аласдэре что-то взорвалось. Он отшвырнул Меррика и, прежде чем Куин успел что-либо сообразить, схватил Куина за горло. Тот оттолкнул Аласдэра и, размахнувшись, ударил в подбородок.

– О, ради бога, идиоты! – Меррик попытался растащить драчунов.

Жажда крови овладела Куином. Он отступил немного назад и изо всей силы нанес еще один удар. Аласдэр покачнулся, взмахнул руками и ухватился за высокую спинку стула. Меррик поспешил убрать вазу с тюльпанами со стола. Аласдэр немного оправился от удара и снова набросился на Куина.

Ему каким-то образом удалось обхватить Куина за талию и повалить на пол. Кулачный бой перешел в возню, сопровождаемую ворчанием, взмахом рук и ног.

Наконец Куин ухватил Аласдэра за галстук и попытался разбить ему нос, колотя головой об ковер. Аласдэр ответил жестоким ударом коленом, чем почти прикончил споры по поводу женитьбы Куина. От боли Куин издал вопль. Аласдэру удалось вскочить на ноги.

– Ах ты, сукин сын!

Куин ухватил его за лодыжку и стащил с ноги ботинок. Аласдэр топтался, пытаясь сохранить равновесие. Глядя на них, Меррик расхохотался и, все еще не выпуская из рук тюльпаны, рухнул на диван.

Куин вскочил, швырнул ботинок в камин и бросился на Аласдэра. Он прижал его к полке со словарями, которая с грохотом упала на пол. Меррик, поднимавшийся с дивана, споткнулся о книгу. Аласдэр, воспользовавшись моментом, запустил слабый левый хук, ударив Куина в ухо.

– О-ох, будь ты проклят! – только и успел сказать тот.

Аласдэр двинулся на него, размахивая кулаками.

Наконец Меррик обхватил старшего брата за талию и оттащил от Куина.

– Довольно, джентльмены! Это безнадежно. Куин, отправляйся спать!

– Нет!

Меррик гневно сверкнул глазами.

– Если вы оба хотите сделать друг из друга кровавый фарш, Куин, займитесь этим завтра. И там, где вас не услышат слуги.

– Думаю, нам надо закончить это здесь и сейчас! – потребовал Аласдэр.

– О да, а ты еще так заботишься о благополучии мисс Гамильтон! – с сарказмом заметил Меррик. – Как это на тебя похоже, Аласдэр! Эта безобразная сцена вызовет массу сплетен и повредит ей больше, чем все, что сделал сегодня Куин.

Аласдэр густо покраснел. Боевой дух покинул Куина. Меррик отпустил брата, и тот стал торопливо оправлять на себе сюртук. Вид у него был побитый.

– Вас обоих заставляло драться как мальчишек одно лишь самолюбие, – осуждающе заметил Меррик. – Никогда в жизни не встречался с таким неубедительным поводом для драки между достаточно взрослыми людьми. И мне остается лишь удивляться, что ни один из вас не подумал о мисс Гамильтон.

Куину неожиданно стало стыдно. Страшная правда заключалась в том, что он дрался не из-за мисс Гамильтон. Он не мог с уверенностью сказать, что именно вызвало его гнев. Невезение? неподходящий момент? Все это не имело отношения к Аласдэру.

– Ты совершенно прав, Меррик, – тихо проговорил Куин. – Аласдэр, ты вел себя сегодня как круглый идиот, но я превзошел тебя и поэтому приношу свои извинения.

– Принято, – проворчал Аласдэр. – И убирайся к черту.

Куин заставил себя поклониться. Боже, как болела у него челюсть!

– Спокойной ночи, джентльмены, – с трудом произнес он. – Чувствуйте себя как дома.

Меррик поставил на место тюльпаны, расставил словари и, найдя свой забытый бокал бренди, одним глотком осушил его.

– Думаю, я последую твоему примеру, старина, – сказал он и поставил пустой бокал. – Аласдэр, предлагаю тебе сделать то же самое. Сегодня вы оба не годитесь для цивилизованного общества.

– Я хочу еще выпить, – заявил Аласдэр.

Меррик только покачал головой. Они тихо поднялись по лестнице, Куин и Аласдэр не обменялись ни словом. Да и сказать было нечего. В жизни Куина был всего лишь один такой же отвратительный день, подобный сегодняшнему, и он был рад, что этот кончается. Сдержанно пожелав Меррику спокойной ночи, он вошел в свою спальню, разделся и швырнул одежду на стул. Завтра Блэвинс ею займется.

Но когда он раздвинул занавески балдахина над элегантной кроватью, она показалась ему очень большой и какой-то пустой. Куин сел на ее краю и попытался представить рядом с собой Эсме, обнаженную и ожидающую. Пытался представить, как это будет с ней, молодой женщиной, которая должна стать его женой. Но сегодня это казалось удивительно странным и неестественным, как будто он думал об акте любви с хрупкой фарфоровой куклой. А всего лишь несколько дней назад Куину не терпелось уложить ее в свою постель. Сегодня он с трудом мог заставить себя посмотреть ей в глаза. Что же изменилось?

Вивиана. У Куина остался неприятный осадок на душе от ее появления. Она вернулась, и в самый неблагоприятный для него момент.

Ладно, думал Куин, это свободная страна. Прошло девять долгих лет, горькие воспоминания уже давно покинули его. Тогда зачем он потребовал свидания с Вивианой? О чем они могут говорить сейчас, когда прошло столько времени? Куин был искренен, когда говорил, что не примет Вивиану, даже если она на коленях приползет к нему.

Но Вивиана всем своим видом дала понять, что не намерена куда-то ползти на коленях. У нее, как и прежде, был гордый и презрительный взгляд. Она совсем не походила на женщину, которая будет кого-нибудь о чем-нибудь просить. Единственное, чего она больше всего хотела – богатого и титулованного мужа, – она никогда не просила. О, она попросила Куина жениться на ней. Однажды. Он ответил «нет», и этим все закончилось. Вивиана поспешила воспользоваться возможностью переехать на более тучные пастбища.

Сначала Куин рассердился, да. Он страдал сильнее, чем когда-либо позволял себе в этом признаться. И прошло много времени, прежде чем он признал, что решение Вивианы оказа-

лось наилучшим выходом. Действительно, пришла пора прекратить их отношения. Все чаще тайная содержанка вызывала его недовольство. И слово «содержанка», вероятно, было преувеличением. Правда, Куин оплачивал квартиру Вивианы, после того как добился, чтобы она переехала из respectable, но неудобного для тайных встреч пансиона для дам, дарил ей драгоценности, которых она никогда у него не просила и сразу же продавала.

Теперь Куин понимал, что это было совсем другое, а не содержание опытной куртизанки, что обошлось бы намного дороже. Но тогда он был молод и глуп.

Да, вероятно, сегодня он просто зашел слишком далеко. Увидев Вивиану снова в роскошном красном шелковом платье, с черной кашемировой шалью, которая соблазнительно соскальзывала с ее плеч, – он в одно мгновение вернулся на девять лет назад.

Куина поразило, как мало изменилась Вивиана. В ее ушах даже были все те же неизменные рубиновые серьги. Она зачесывала свои черные как вороново крыло волосы назад в неизменно гладкую, вопреки моде, строгую прическу и, как всегда, держалась с королевской грацией. Но ее лицо – что-то в нем изменилось. Казалось, в нем стало чуть меньше изящества, но намного прибавилось силы.

Вивиана всегда напоминала Куину Мадонну, сошедшую с картины художника эпохи Возрождения. Трепетно-чувственная, она одновременно была священно-чиста и недоступна. Недоступна для него и любого человека. Но все это оказалось иллюзией. Любой обладавший большими деньгами мог дотронуться до Вивианы. Если ее «роман» с Куином не доказывал этого, то брак с графом Джианпьеро Бергонци ди Виченцей служил бесспорным тому подтверждением. Бергонци славился своим богатством, властью, преклонением перед прекрасным, но никогда не отличался доброжелательностью. Возможно, они с Вивианой стояли друг друга.

Или, может быть, она сожалела о своем выборе?

Куин задумался над этим. Любила ли Вивиана своего мужа? Не обманом ли он заманил ее в Венецию? Или Куин сам вынудил ее уехать? Довольно. Он все равно этого никогда не узнает. Конечно, он не собирался спрашивать Вивиану, как бы ни мучил его этот вопрос. Под тяжестью таких мыслей Куин опустил голову, закрыл глаза и чуть слышно выругался.

Возвращение в имение лорда Чесли прошло без происшествий. Джентльмены развлекались обсуждением виолончели Гваданьини. Виолончель как инструмент Вивиана не любила, поэтому тихо сидела в уголке, глядя на залитые лунным светом сельские пейзажи, и размышляла над требованием Куина Хьюитта. Конечно, она могла бы отказать ему: поскольку его не боялась, – но ее разбирало простое любопытство.

– Чесли, мне бы хотелось завтра покататься верхом, – сообщила Вивиана, когда разговоры затихли.

– Пожалуйста, моя дорогая, – ответил граф.

Лорд Диглби оживился:

– Я поеду с вами, графиня. Обожаю скачку свежим осенним утром.

– Grazie, лорд Диглби, но я намерена выехать очень рано, – попыталась отговориться Вивиана. – Мне хочется увидеть восход солнца, и я не желала бы вас беспокоить.

Лорд Диглби не был похож на человека, который встает до рассвета.

– Тогда в другой раз? – предложил он и зевнул, прикрывая рукой рот. – Мне надо отдохнуть. Обязательно. Мы с вашим отцом собираемся завтра серьезно поработать над «Nel Pomeriggio».

– В любом случае опера важнее, – ответила Вивиана и обратилась к Чесли: – Мне бы хотелось проехаться по тому лесочку, что ведет к востоку от дома. Как я поняла, там есть конная тропа?

– А как же вы увидите сквозь деревья восход солнца, графиня? – с невинным видом поинтересовался Диглби.

Вивиана натянуто улыбнулась:

– Сначала я посмотрю восход. Потом поеду в лес.

– Там полно конных тропинок, моя дорогая, – сказал, неопределенно взмахнув рукой, Чесли. – Только избегай тех, которые ведут на север, иначе окажешься на полпути к Уэндоверу и не встретишь ни одной живой души. Попроси конюха объяснить, куда тебе ехать.

Оказавшись в доме, Вивиана поцеловала отца, затем оставила джентльменов одних в гостиной с бутылкой портвейна и коробкой отличных сигар. Отец выглядел довольным и спокойным. Это ободрило Вивиану.

Наверху она проверила детей, все они крепко спали. Как обычно, Серилия сбросила все одеяла на пол и лежала, свернувшись в клубочек. Конечно, ей было холодно. Неслышно обойдя кровать, Вивиана подняла и встряхнула одеяла, затем осторожно положила на место. Она наклонилась, чтобы прикрыть одеялом шею девочки, и заметила слабый блеск металла. С грустной улыбкой она осторожно сняла золотую цепочку. Серилия не шевельнулась. Вивиана опустила цепочку в карман, затем дотронулась пальцами до щеки девочки. Она с умилением ощущала теплоту и мягкость ее кожи. Но Серилия не была ее любимицей. Нет, не совсем так. Вивиана любила всех своих детей с одинаковой страстью. И все же Серилия вызывала в ней особое чувство, которое она не могла объяснить даже себе самой.

Вивиана все время думала, не совершила ли она ошибку, привезя детей в Англию. Она оказалась перед выбором, разрывавшим ее сердце. Остаться с детьми в Венеции и отправить отца в путешествие одного? Или оставить детей под присмотром слуг, а самой сопровождать отца в Англию? Ни то ни другое было неприемлемо. И Вивиана нашла компромисс, как делала это всю жизнь.

Она беспокоилась, как скоро детям надоеет пребывание в холодной английской сельской местности. Сейчас для них были новы и интересны и сады, и окружающие леса. Но скоро они, без сомнения, начнут скучать по знакомым местам и по своим товарищам по играм тоже. Леди Элис Мелвилл и ее выводок едва ли заедут теперь. Куин наверняка воспротивится этому. Вероятно, он не считает детей итальянской оперной певицы достойными компаньонами его благородной английской семьи.

Вивиана обошла комнату и поцеловала в щечку каждого ребенка. Николо снова спал, засунув в рот большой палец. Вивиана осторожно вынула его. Мальчик продолжал спать. Фелис пошевелилась, но не проснулась. Они были прекрасны, ее дети. И посмел бы кто-нибудь не согласиться с этим.

– *Buona notte*, мои дорогие, – прошептала Вивиана, закрывая дверь.

Войдя в свою спальню, она не вызвала горничную, а, спрятав цепочку Серилии, помешала угли в камине и зажгла свечи, стоявшие на каминной полке. Затем Вивиана начала медленно раздеваться перед большим зеркалом в позолоченной раме. Падая, одежда черно-красным пятном ложилась на пол. Вивиана внимательно всматривалась в постепенно обнажавшееся тело. Прошло много времени с тех пор, когда она смотрела на себя голую. Это не имело большого значения. И сейчас Вивиане трудно было объяснить, почему она это делает.

Наконец она сбросила с себя все и осталась в одних черных шелковых чулках. Вивиана придирчивым взглядом посмотрела на свое тело. Ни один мужчина после смерти Джанпьеро не видел его. Последние шесть лет брака у Вивианы с мужем не было духовной близости, каждый жил своей жизнью, хотя и под одной крышей. Но как бы ни просила Вивиана, Джанпьеро отказывался отпустить ее. Он требовал родить ему сына. Наследника. Вивиана полагала, что это ее долг, и терпела его посещения. Муж приходил к ней ночью, в темноте ложился в постель и овладевал ею. Но Вивиана страдала не только из-за этого. Были вещи, о которых она предпочла бы не вспоминать. Может быть, она этого заслуживала. Может быть, такова цена за то, что она вышла замуж за человека, которого не любила... и не могла любить.

Неторопливо, почти с безразличием, Вивиана провела ладонями по груди и, приподняв ее, посмотрела на себя в зеркало. Бесспорно, годы изменили ее. Но она оставалась красивой женщиной. Разве не так? Бесчисленное количество мужчин говорили ей об этом. Но, когда обладаешь богатством, никак нельзя быть уверенной в чьей-либо искренности. После смерти Джианпьеро Вивиана получала столько предложений, что сбилась со счета. Некоторые из них даже казались ей искренними. Но Вивиана ясно видела правду. Ей тридцать три года. Она родила троих детей. И это оставило следы. Да, она все еще красива, но уже никогда не будет такой, какой была девять лет назад. Вивиана отвернулась от зеркала, взяла со стула ночную рубашку и поспешила накинуть. Ей не хотелось смотреть на изъяны, нанесенные временем.

Она подошла к туалетному столику и налила себе полбокала бароло из графина. Затем передумала и наполнила бокал до краев. Она медленно пила и вспоминала события прошедшего вечера. Встреча с Куином Хьюиттом подействовала на нее так, будто ее неожиданно ударили, но шок прошел. Вивиана испытала почти удовольствие от их короткой ссоры, хотя ни за что не призналась бы себе в этом. Они всегда ссорились со страстью, так же как и любили друг друга. Но Куин принадлежал ее прошлому. Этот вечер оказался безжалостным напоминанием. В самом деле, зачем ей беспокоиться? Она уже не та легкомысленная, романтическая молодая женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.